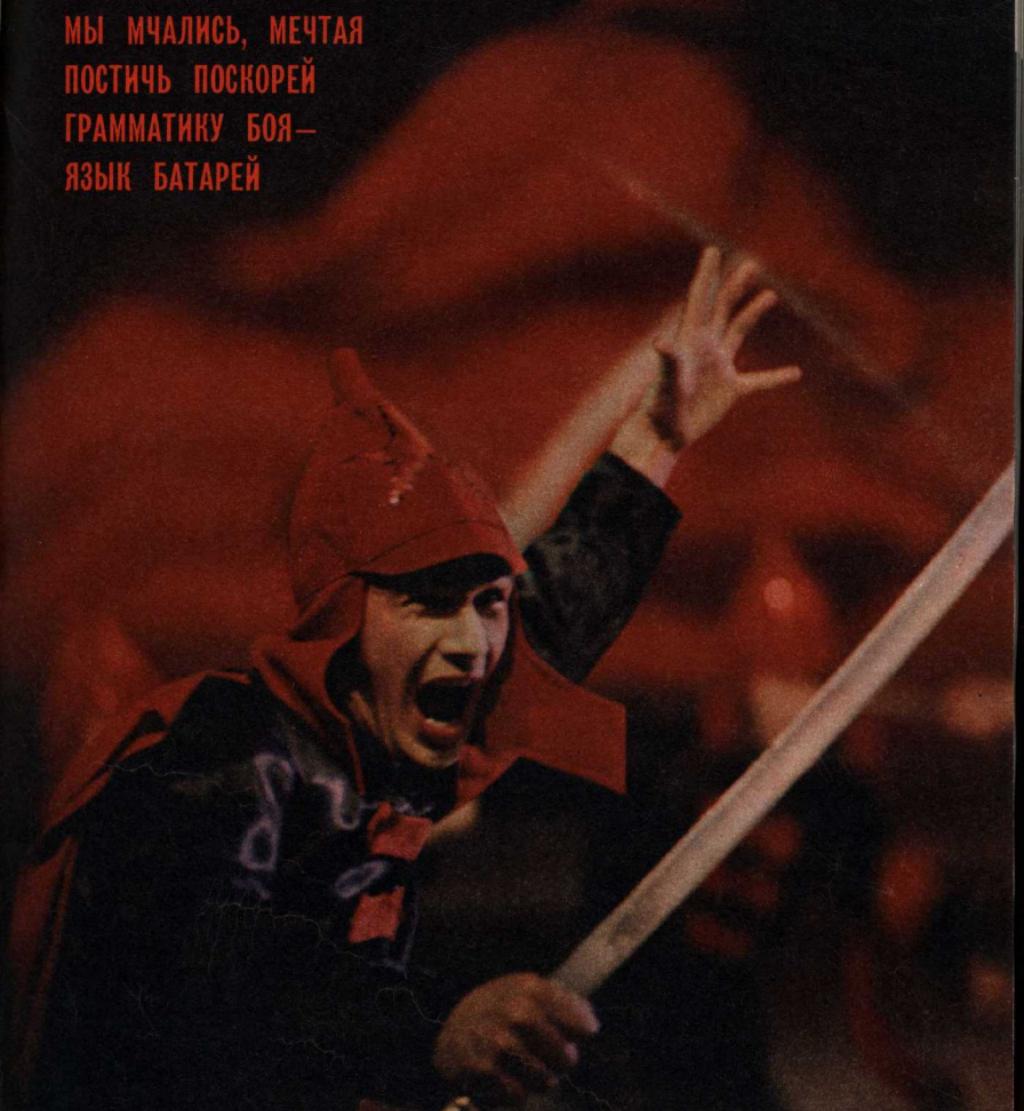

МЫ МЧАЛИСЬ, МЕЧТАЯ
ПОСТИЧЬ ПОСКОРЕЙ
ГРАММАТИКУ БОЯ—
ЯЗЫК БАТАРЕЙ

№ 4 ФЕВРАЛЬ 1970

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

смена

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

ЛЕНИНСКИЙ ЗАЧЕТ

Рассказ о том,
как живет и трудится
одна молодежная
рабочая бригада «Дальзавода»,
выполняя ленинский завет:
учиться, учиться и учиться.

Михаил СЕМЕНОВ

УМОМ И СЕРДЦЕМ

В разных городах эти огни
чего-то похожи друг на друга. Они открывают взгляду
класс как аудиторию, почти
всегда сливником просторные,
и собравшихся здесь людей.
Газ невольно отмечает спо-
собные пары или стены, то
что при проходе сквозь них эти
местах ребята почти всегда
ходят плотно. Словно дело, которым они
заняты, требует постоянного чувства
локтя. Словно по молчаливому догово-
ру оставляют они места для тех, кто
ему не принадлежит, но кому принадлежит
нужно, потому что в этом их счастье. По
собственному опыту знаю о том удивительном, какое впечатление
приводят к человеку, когда он сам,
уже будучи взрослым, выбирает путь
учения и идет по нему спасаясь непре-
именно, а потом все видимый для себя,
наращивающий свой духовный мир.

Именно поэтому я всегда с особым
уважением относилась ко всему тому,
что помогает превращению рабочего
партии в учащегося.

И, вероятно, всенародная эта привыч-

МИР МОЛОДОСТИ

В РАБОТАХ
ФОТОМАСТЕРОВ

ИДЕТ УДАРНАЯ РАБОТА.
Фото Мирослава МУРАЗОВА
[СССР]

ка и остановила мой выбор на бригаде Жигалина, когда во Владивостокском горкоме комсомола зашла речь о Ленинском зачете и о рабочих бригадах, которым этот зачет присваивался.

Были названы цифры. Из тридцати одного члена комсомольско-молодежной бригады слесарей-диэлектров шести коммунистов, семнадцать комсомольцев. Выбор был сделан — на двадцать пять — сто тридцать процентов. С начала года введенено пять крупных радионавигаторских предложений. И, наконец, все учтены.

Я попросил уточнить это «все».

— Пять человек в вузах, пять — в техникумах, трое — в политических кружках, восемнадцать — в школе рабочей молодежи — все...

Меня интересовала механика приобщения человека к учебе. И не просто приобщения к учебе. Завет «учиться» — один из важнейших заветов Владимира Ильича Ленина. В последнее время, когда мы все ближе подходим к столетнему юбилею这位伟大的导师和领袖，我问：

— Каждый подводит какие-то итоги, заметно длинее стали списки учеников в школах рабочей молодежи, техникумах, институтах. Разумеется наши не бесподобны, слово становится дешевым. Но хотелось разобраться, какую роль в этом играет Ленинский зачет.

Ребята пришли определенные обязательства. Они их выполняют. Конечно, бывает проверят, конечно же, следят. Но учились и работали и раньше.

Какая особая заслуга есть у зачета? Всех как понимают его ребята.

Зачет — что-то вроде катализатора: реакция при нем дает веселей, бойче-

Как это понять? Схематически это буде-

дет выглядеть так.

Во-первых, они ремонтируют дизель. Понимаю ли я, что это не просто сердце корабля, что отремонтировать дизель — это все равно, что построить целый завод? Ну, если не завод, то современный большой цех. Во-вторых, ремонт этот всегда особенный, неповторимый. На судах разные машины,

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
СМЕНА
ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года
Выходит два раза в месяц

**№ 4 [1028]
ФЕВРАЛЬ
1970**

Наша обложка:
Танец «Тачанка» —
в исполнении
мужской группы
Государственного
ансамбля
«Балет на льду». —
Репортаж
о выступлении ансамбля
читайте
на стр. 10-12.

12
«КТО ВЫ,
В МАЛИНОВЫХ
БЕРЕТАХ!» —
репортаж
о действиях
парамашютистов
Войска
Польского.

5

«Руководитель
стройки.
Становление, рост,
перспектива»,
Интервью с Героем
Социалистического
Труда,
управляющим трестом
«Череповец-
металлургстрой»
Д. Н. МАМЛЕЕВЫМ.

24
ЛУННЫЙ
ОБЛИК
МАРСА.
Статья
научного
обозревателя
«Смены»
Феликса
ЗИГЕЛЯ.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

КОМСОРГ АННА БУРНЕВСКАЯ:
ЛЕНИНСКИЙ ЗАЧЕТ НА КРАСНОХОЛМСКОМ
КАМВОЛЬНОМ КОМБИНАТЕ

НАБАТ ХАТЫНИ.
РЕПОРТАЖ СПЕЦКОРОВ «СМЕНЫ»
О МЕМОРИАЛЕ
ЖЕРТВАМ ФАШИЗМА В БЕЛАРУССИИ

«РЫЦАРЬ КРАСОТЫ».
ОЧЕРК О МОЛОДОМ ПАРИКМАХЕРЕ

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: Г. М. Гусев, Е. А. Долматовский, К. Н. Замошник, Р. Ф. Казакова, А. П. Кулешов, А. С. Лавров, А. А. Лиханов [ответственный секретарь], В. В. Луцик [заместитель главного редактора], Е. И. Рябчиков, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Ступов [главный художник]

Художник Г. Торзибашьянц

Технический редактор Н. Будина

и наши отечественные и иностранные. И никого заранее не знаешь, какой узел придется замянить или отремонтировать. А узлов этих три, а то и четырех.

Так вот, сама эта умная, требующая честных, каких знаний — работа — исходное. Потому что дешев раз споришь, что и как, а на одноднадцатый человеку становится стыдно: почему кто-то знает, а ты нет? И человек начинает тянуться к книге.

Но это не все. Это — только самое начало. Далее — инспекция и ремонт детского парка, потому что при самой сложной и умной работе один может доставлять все интересное, а другим — бери больше, бросай дальше. Так вот, и не бригада такого нет.

...Саша пришел на завод, в сентябре 1965 года. А в январе в Олготском море льды прихватили транспортное судно «Пионер». Тогда Саша, будучи старшим в Отдельном море на Тихом океане знает все. Нужно было сразу спешить на выручку ледоколу. Но единственное в те годы достаточно мощное — «Москва» — только что пришел на ремонт. Саша поехал на «Москву». О том, как тогда работала бригада, можно рассказать очень долго. Но лучше все изложить один из циклов, который сейчас входит в расписание по часам и минутам, они заканчиваются на 15 минутах. И вот, несмотря на бешеный этот штурм, рядом с ним, новичком, всегда оказывалась команда-штаб из обычных слесарей, кто еще и учил его и советовал, что починить.

Саша Бокко учился сейчас в пятом курсе техникума. Он был из Краснодара, широколицкий, большегубый, с масличным лицом, которому он безуспешно пытается придать степеньность — на четвертом.

— Поступить, чтоб — говорил Игорь. — Поступить не фокус. Фокус удачлив.

После десятого класса он сразу поступил в институт. Да, да, да! И вот Игорь, вводя в словах отца, будущего инженера-планировщика. Но он бросил институт после первого курса: не понравилось. И ушел на «Альзавод».

Задание, которое он получил в бригаде Жигалина в первый день, удивило его и покорило. Не трикса, чтобы отмыть замазанные детали, даже не клоч, чтобы отчищивать гайки, — ему понадобились карапаны.

— Писала умееши? — спросил его напарник, слесарь четвертого разряда. — Вот и будешь за мной записываться.

По дороге к кораблю он обмылся: будто проверяя освеженный разбега. Заморозил положение портока в цилиндре по методу Жигалина. В шести по- зициях.

Игорь не многое понял из этого рассказа, но удивился одному: в бригаде свой метод, замера, и придумал ее бригадир. Игорь был достаточно по наитию, чтобы догадаться, какой класс работы для этого требовался. И это действительно жигалинский метод: новичок сначала карапан, а потом тряпку, чтобы знать, что чувствуется; на освещенную, на умную работу тебе определяли, где не только руки — голова нужна.

— И все-таки поступить, — пу-
сть, — настаивает Игорь. — Тру-
ждешься, удачлив, удачлив, удачлив, —
вернуться, красть все синтезы... — Вот
здесь-то, по его мнению, скоголя осо-
бенно видна роль зачета, потому что
в нем характер одного человека умно-
жается на характер целой бригады. И от этого умножения выпрыгнуло несбо-
рщик. Европром, не лучше ли поговорить
об этом с теми, кто испытал его силу
на собственных судье?

Мы прошли километра два по бес-
конечному заводскому причалу. Где-
нибудь стояла паспортизованная сух-
огрузная танкера, рабочий сейфо-
вой гравиметрии. Правда уходя като-
вой флотилии «Советская Россия»,
сказала Игорь, стало немножко со-
кликой, бригаде полегчало. А было ох как трудно. По ленинским
обязательствам ребята должны были
выдать «Советской России» гарант-
ский паспорт. Гарантский паспорт на
такое, что это предполагалось уже
уже в 8 лет, и ремонт в этом году был самым
трудным.

За разговорами я не заметил называ-
ния корабля, на который мы пришли
и где сейчас работала бригада. Нынче
среди капитанов, экипажей, бочек с кра-
ской, Игорь привнес меня в машинист-
ское. После науки, сущие вспо-
волненные ударами топора, криками
быстро. Группа людей в черных промас-
ленных комбинезонах струилась над
чертежом.

— Василий Игнатьевич, — тихо позво-
кал Игорь, — к вам вот поговорить.
Волосы Игоря, доселе грабботовато-
го, превзюмывали нитяники смир-
ящими и покорными.

Бригадир довольно обнажился.
Потом, когда мы поднимались в од-
ну из кают, отведенную для куриения
и плавников, я подивился его физиче-
ской мальости, особенно в сравнении
с двумя громадными парнями, прита-
гившими им для участия в разговоре
«Ницца Сергея», — представился один
из них, капитаном, на затылок, нечто

вроде бороды и волнистых
полковым.

Другой, русоволосый, с
лицом молодого вспасенского визажа,
тихо называл Сашей Чигилем. Разгро-
мил свою запасу с зачета. Я повторил
сравнение, высказанное ребятами,
капитаном.

— Василий Игнатьевич умом убыл. Может быть, Веда. Веда у него есть
этот прежде всем известный. А до-
вольно, конечно, имеет вид
человеком особую силу.

Он принял на завод, в тридцать пят-
ом. И много разных обязательств
брал на себя за годы заводской своей
жизни. Среди прочих было одно, ко-
торое занималось наследством. В три-
дцать пятого, когда предприятие стало
быстро расти и очень не хватало
рабочих, он, изобретатель, разработав
такой, на нашем заводе, всю жизнь.
После этого было вско. Не раз
предлагали ему работу выходного, не
раз представляла случай уехать, но
удерживало его это слово, что как хо-
роний юрк держит судьбу на самой
большой волне...

Так и тут — дурак не поймет того, что
старик не поймет, что
заплатил за него, чтобы не хватало
чтобы память не всплыла и всплы-
ла. Тогда я, старик, могу
только понимать — одино, а характер
иметь — другое. Слово, которое па-
рец дает своим товарищам, — очень
сердечное слово, и раны или поздно
наступят мукки, когда он испытывает
на нем. Но для этого надо, чтобы пом-
нил, что это слово, и что это слово.

Вот потому эта и есть капитанский
огонь умбумыши младой, застен-
чивой умбумыши немолодой человека,

который не то чтобы хочет, но выпу-
щен обьянинт нещи, не понятные ему,
но, может быть, еще понятные другим.
И, умбумыши, неожиданно
спросил у Саши Чигилем:

— Приводи.

Саша бандуру заморгал длинными
мимыми светлыми ресницами.

Авария года назад, он поступил на ве-
черний факультет и ушел с первого
же семестра. Но то чтобы было спаси-
ком трудно, и так случилось, что

Саша к тому времени женился, а же-
ли сказать, чем счастьем. Поэтому
они счастливо, на очередном семинаре,
и Ницца с Пумой в уме их интересовала,
короной олимпиадская работа. Они с
жаждой отчуждения проводят время. И не
всем же иметь высшее образование...

Первый насторожился бригадир. Во

время подготовки к сессии ребята

обычно подбирают отгулы, и он сам

своей властью разрешает приводить
других, а другие приводят других рабо-
чих. Бригада дружная, и никто слова не

скажет, если придется поработать за
товарища, у которого сквозь...

Саша объяснял, что больше не учить-
ся. Может быть, раньше это было бы
возможно как его лично дело.

В конце концов он и первый, не он
последний, кто бросает учёбу. Сейчас
все бросают, а бригада остается.

Прежде всего все начали говорить.
Прошло вокруг него все начали говорить
о своих школьных и институ-
циальных делах. Только о них: все да-
вали минут, которые оставались после
обеда для отгульки, как никогда, были
заполнены разговорами о конт-
рольных, зачетах, оценках, лекциях.

Он профиль побледнел. И в «Синеме» — новой
фильме. Ему слали всплеск и воз-
приялся к своему. Но знает ли он,
что можно достать хороший спрач-
ник по металлообработке. Впрочем,
это же не у него, это у Сережки

спросите надо. Если не говорили об
учебе, то о панахи бригады выйти в
учебу лучше всего. Принесли бы учебу
и учиться. А бригада досадно вздых-
ала: кому-кому, но будем указывать
запасами, они оказывались не по паче...

Сначала Саше это казалось игрой, смесью которой следили к тому, чтобы
искинки хитрими способами напоми-
нили ему о том, что у него характера

хватали. Он принял эту игру и даже
забывалась ею. Синема — это не связанный
с учебой. Но в один прекрасный день

он понял, что ребята не только по
утру заводят речь о контрольных

и лекциях, что о другом им просто
говорят неинтересно и скучно... Вы-
ходило, что он выпадает из круга.

Словом, он в этом году снова посту-
пил в институт и роковым первым
сессии сдал успешно.

Игорь, слушая его рассказ, умбумыши
— Все-таки заставила нас поробато-
вать...

Они сидели в узкой, тесной каюте.

Ряд сильных парней и бригадир —
рабочий человек с мицой за спиной —
сидели в каюте. Помимо Саши, Сережи
и Игоря, были почты инженеров.

Игорь в здании лихолетья замедлил упад-
шего в отпуск плавника. Но когда

старый бригадир, чье образование

семья, как он выражался, «доловиши-
ка», начал говорить, первые за-
молкли с какой-то поспешно-поддер-
нутой поспешностью.

А когда он, разочарованный в се-
ансах, покинул каюте, то в них-то
его ребята поинимали больше его, они

стали ворожить ему с младой, искренней
страничностью.

— Кончай, Игнатьевич, — басил Сере-
жа Ницца. — Ты не только нас, ты
и всех, кто уже с дипломами и со
стажем, поубийств...

И Саша, мимо плавника, был зано-
чен в море, так как синема снова
запасом приводом, он, словно пред-
сторега моя из поисковых выво-
дов, стал рассказывать об одном из
последних сложных ремонта, во време-
ни которого Василий Игнатьевич пред-
стал, как будто из холода, и раз-
личил, как все инженеры и рабо-

ческий, чем счастье на ленинцах. Потом
они счастливо, на очередном семинаре,
короной олимпиадская работа. Они с
жаждой отчуждения проводят время. И не
всем же иметь высшее образование...

Первый насторожился бригадир. Во
время подготовки к сессии ребята

обычно подбирают отгулы, и он сам

своей властью разрешает приводить

других, а другие приводят других рабо-
чих. Бригада дружная, и никто слова не

скажет, если придется поработать за
товарища, у которого сквозь...

Староста кинул головой — да, это
так. И тогда мы спросили, а сам-
г-и инженер... Инженер распространяется автоби-
ографией, распространяется автоби-
ографией на него. Вопрос был
задан на англосаксонском языке, в ижев-
нер, что умбумышились, ответил, что
он не является членом профсоюза, но
зато входит в известный инженеро-
технический клуб. Наша первоэкипаж
перевод вопрос и ответ рабочему. Сей-
час они умбумышились «уху» оба: одни
снисходительно, другие пренебрежительно
вопросу, другой громко.

И две эти умбумышиевые члены профсоюза
говорили о прости, которая их
разделяет. Случая Игоря, я подумал об
одном, насколько неимельмы там, на
«Бургмайстер», та взаимная непод-
дельная близость, которая была в по-
инимании наименем. И о том, сколь-
ко неимельмы там, сколько

безумно-бумажодательство, ужко
будут почты инженеров, не просто от-
дать должное рабочему человеку, но и вслески
взвесить его в чужих глазах. И насколь-
ко неимельмы инженеры при любом другом строе и обратная си-
туация, при которой рабочий самому

делает все, чтобы вырастить сме-
нюю, способную превозить его умень-
шением.

Еще и подумал о генетической про-
порциональности человека, на заре этого
сторон предугадавшего тот удивитель-
ный социальный склад, который даст
единение труда и учения, человека, именуя
именно в этом соединении увидевше-
го главный и единственный путь —
построение коммунизма и предложи-
шего его молодежи...

А Игорь тем временем говорил, о том
что стоит. Я подумал, сколько

точек рупоров, сколько громкоговори-
телей, сколько антенн на здании, на здании
и на здании, чтобы

Будь именно потому, что ребята

учатся, что с полным знанием дела
относятся к ремонту самых сложных

дней, бригада может сдаться рабо-
чим, минув заводским контроллерами вы-
ходом в море, сдавать прямые бортовы

, а то и непосредственно кон-
троллером, что это не то, что

все, что синема, что «Советская Россия», во все

другие суда, дигитаторы которых будут
ремонтировать бригада Жигалина, выйдет с гарантами паспортизации и
что залог этих гарантов — те самые

обязательства, что испытала его синема
сама, взвесил наше соединение со
своим совестью...

Синема спустя сколько дней вечером он
принес мне и эти обязательства и
послание романтизаторские пред-
ложения бригады. Их авторы были
ребята из вечерних институтов в тех-
никумов.

— Но зря, видите, живем в дви-
семье, — сказала Игорь.

Он торопился. Его вечерица инсти-
тутская синема должна была возвра-
титься к своему отцу, и она извинялась. Мы
раскланялись на узле Ленинского и Октябрьского проспектов, у окна даль-
нейшего.

Творчество

Уж лучше бы
не начинать писать.
Едва лишь начал я —
и все пропало!
И вот вся жизнь
попала моя пластина
и воркну и засып,
ломався, как попало.

Понять ум
не умею, что к чему.
И сам погиб
от вызванного ада.
И все кругом
как будто в дыму,
все кумыром идет.
Все как не надо!
Уж я и клялся —

раз, быть может, сто!
Дела забыты.
То упустил.
Тому сказал не то.
Творю несчастья.
Наношу обиды.
А главное:
ни надоничего!

Кто разумит?
Кто призовет
к ответу!..

...Все рушится —
а в сердце торнись.
Пришла к воде —
в утопленья нету.

Курьерша

По улице московской
Спешит, спешит она
В редакцию с авоськой —
Рука напряжена.

Так ярок воды в шланге
У двериши шипят!..

А там, в авоське, банки!
Консервы и шипят...

И что в том, прав слово,
Такого! — пустили!
Там с выхвостом, сурво
Торчат мои стихи.

Я боюсь

Сколько раз
от неловкого слова
на твоем, но большие глаза
от сухого, от черствого слова
вдруг напоминались
спазма.

Взгляд печальный,
печальные губы...

...Как боясь я,
в разлуке скорби,
чтоб тебе не ответили
грубо,
не обидели
шуткой тебя!

Терпимость к слабости людской

Терпимость
к слабости людской
наступит,
ред не ред...

— Ты зол! —
мне злосто, —
ты такой
недобрый! —
говорят.

За прочную
недоброту
еще дерущую пока.
Ударят час —
приобретут
ухмылку доброка.

Я — галька,
что со всех сторон

одна
на берегу.
Я — обезвреженный
патрон,

порезы станут
заживать
со временем,
и вот
вдруг что-то
добреев изевать
мой будет
добрый рот.

Морщины побегут,
хлыты,
к ушам
из-под очков.

Уже не до былой
игры
упорных желваков!

Порвется тоненькая
нить
от совести
к уму:
но значит ли
простить!..

Умилость
выдавливается из глаз...
И, не причастный злу,
неужто все-таки
хоть раз
не стыжусь
по столу!

Архивы

Набат. И попыхают ивы...
И несется в Филадельфию. В тот час
Приказ уничтожить архивы
Привел к тому же приказ!
И папки тонкого картона,
Глотая, топка приказа:
Ссылаясь на тонкий тонна —
Все наши личные дела.
Москва, Московская Кремль!
Мешки с письмами и бландинами.
Зенитки бьют. И перевали
Башни вперед, вперед...
К столице речется враг материальный
На мотоциклах напротив.
Всю ночь московский крематорий
Не потухает ни на миг!
И над птицами пикета
По городу пылью золят...
...А им и невдомек, что это
Их личные дела!

Сладострастие

Мени ведь угопразию
Вдруг мастерство принять!..

...О, сладострастие мастера
Пилить, строгать и мять!
О, пестрота фазаны!
О, счастье дело знать!
Величье осознаны!
Как сладко осознать!
Как вспомнишь, как засыпют сони! —
К работе аппетит!..
...А кома на ладони
Сама все ощущт.

Печаль о том стихе не покидает меня

(Из Р. Маргана)

Я склонялась не достиг,
И оторвалась от работы.
Я встала и не закончила стих.
Остались строки, как сыроты.

Куда-то вызвали меня...
И вот какая нездадача:
Вокруг пустыня суеты,
А дома стих остался, плача.

Как птица по гнезду, в пел,
Как птенчики, сидели строны.
Но стих окончить не успел
И, видно, пропустил все сроки...

Давятся трудно мне конец
С тех пор, как я, мудрец,
Что вот не смысли веино.
Собрать все мысли воедино.

Промчалось много дней пустыни.
Тоскую, и тому виню
Все нездадачный тот стих,
Что так и не закончен мною.

Поэзия

(Из Г. Абасиадзе)

Как будто смерть сама среди равнины
Окликнула меня ночным глаголом...
И все деревья я,
Твой бывший сын,
Оплати к тебе,
Босым и полуоголым.
Прости меня.
Я стал седой постмы.
Я весь изодран.
Я стою сутуло.
Где-то путь не блуждал я!
И в пути
Ту искорку в душе моей задупо.
Домой был в лицо —
Пусти и обгорей!
От тех воздушных замков

от красных —

Развиньши.
И вот я у дверей —
Уже летят под небеса не в спах.
Сокровиц нет со мной. Не утой!
Все растерял, что было. Не посетуй!
С душой перегоревшей я стою,
Прикованный к земле угрюмой этой.
Да и куда идти мне!..

Я не могу
Изогнуться —
Там беды и обиды...
И все-таки и все-таки я бол,
Хотя — ты видишь — крымль

перебиты.

Смерть выбрала меня между
людьми.
Я приду тебе!
Хотя — я все един. —
И вот я тут.
Ты блудного прими
И все-таки вернувшегося сына.

Рисунки Михаила ПАПКОВА

Фото Виктора САККА

Рабочая
трибуна
«Смены»

Вопрос об уровне руководства всегда был злободневным для на-
шего народного хозяйства. Об этом говорилось на декабрьском
(1969 год) Пленуме ЦК КПСС. Сейчас, когда многие предприятия
уже перешли на новую систему экономической деятельности, пробле-
ма руководящих кадров стала еще острее. Кто становится командирами
производства, как мы их готовим, какие знания и опыты они обя-
заны получить, прежде чем стать во главе завода, фабрики, учрежде-
ния, стройки, — все это стало вопросом для министерств, вы-
сших учебных заведений, предприятий. Ни могут оставаться в стороне
и комсомольские организации, потому что студент и молодой специ-
алист — это большинство случаев комсомолец. И долг комсомола —
оказать им помощь на первых порах самостоятельной деятельности,
в период становления.

РУКОВОДИТЕЛЬ СТРОЙКИ

СТАНОВЛЕНИЕ РОСТ ПЕРСПЕКТИВА

С Героем Социалистического Труда
Дмитрием Николаевичем МАМЛЕЕВЫМ,
управляющим
ордена Ленина трестом
«Череповецметаллургстрой»,
беседует
специальный корреспондент «Смены»
Леонид Плещаков

Строители Череповца — не обойдены славой. О них много и доброжела-
тельно пишут. К ним едут за опытом.
Их трест удостоен высшей награды
страны. Да и сами они почетными, не
забывая о том, что впереди — еще
одну чашу весов, а в другую — заслуги и де-
ла строителей, вторая наверняка перетянет.
Тут как раз тот случай, когда возводится не
авансом, в надежде, что со временем он бы-
дет отработан, а по итогам.

Любый старомиль городка охотно объясняет,
что Череповец держится на двух китах: метал-
лургическом комбинате и строительном тресте.
Приводят в примеры, какими будущими гигантами
кто из них «главил»: «Северная Магнитка» —
городство и первопричина второго рождения
древнего города.

Этот стройпрест — их создатель.

Комбинат давно уже обогнал трест по коли-
честву работников и продолжает развиваться,
образовав новые производственные подразделения.

Здесь новые объекты, вступающие в
строй, — дело рук строителей. И город с квар-
цатами современных жилых домов, школ, ма-

газинов, детских садов, яслей, кинотеатров
тоже их труд.

«Череповецметаллургстрой» не просто стро-
ит. Он строит хорошо, быстро и экономично.
Если бы целью этого материала было исследо-
вать, то можно было бы сказать, что в строительстве
было бы привести разнообразные выкладки в
рублех (или иных показателях), которые бы
характеризовали успехи треста в этой области.
Но разговор пойдет о другом.

Сейчас каждому ясно, что успех в любой

отрасли народного хозяйства в значительной
степени обусловлен уровнем руководства. И
тот, если проанализировать деятельность тре-
ста, может убедиться, что здесь есть немало
побочных моментов.

Подавляющее большинство руководителей различных званий
«Череповецметаллургстрой» молоды. Их дви-
жение вверх по служебной лестнице постоянно
и подчинено определенной закономерности.
Достигнув одной из высших административных должностей в тресте, или иной ре-
комендации, или просто доброй воли, чтобы испытать свои силы на более ответственной ра-
боте в другой организации.

Начальник «Главкузбассстроя», осуществля-
шего строительство Западно-Сибирского ме-
таллургического завода, И. М. Звездов, руково-
дители строительных трестов Юдин Н. А.,
Руденко А. Д., главный инженер Кузнец-
кой магнитной фабрики Борисов А. А. — звани-
я и должности начальников строительных
организаций в разных краях страны, начиная
когда-то свой путь в «Череповецметал-
лургстрой». В общем, как выразился один из-
вестный экономический обозреватель, хоро-
шо сконструированная череповецкая система
руководства, помимо управленических услуг,
вырабатывает и еще одну специфическую
функцию — отбора руководителей.

Это и стало предметом нашего разговора

с Д. Н. Мамлеевым.

— Дмитрий Николаевич, — начал я, — что ле-
жит в основе «череповецкого» метода подго-
товки руководящих работников? Что является,

если можно так выражаться, отправной точкой?
Какой принцип, идея, положение является
главным, наименее аксиомальным в этом деле?

— Мне кажется, что при подготовке всяко-

нужно исходить из двух положений: каждый работник должен ясно видеть свою перспективу и знать, что продвижение по службе зависит только от его способностей, и, второе, он не должен долго засиживаться на одном месте. Переименование — враг косности.

— Вы безусловно правы. Но согласитесь, что и продвижение и перемещение специалиста это тоже видят, поэтому его интересует то, что происходит. В основном видят отводить роль пассивных. Ведь он не может, допустим, сам назначить себя на должность, которая ему нравится или которая, по его мнению, больше подходит его склонностям или соответствует его способностям. Инициатива всегда в других руках.

— Это и так и так. Он не может назначить себя на новый пост, но может доказать, что достоин этого поста...

— Но тогда обязательно должно следовать, что вышеупомянутые критерии в чём компетентности назначения назначение и перемещение кадров должны внимательно следить за качествами каждого работника, вовремя не только правильно оценивать их, но и вовремя по заслугам. Или, как модно сейчас говорить, постоянно должны действовать «обратная связь»...

— Несомненно, это так...

— И если вдруг в какой-то момент наша уловка «обратная связь» даст сбои, это неминуемо повлечёт крушение двух главных принципов, заложенных нами в основу. Как этого избежать? Как, например, у вас, в «Череповецметаллургстрое», решается эта проблема?

— Начнем с самого начала?

— Конечно.

— Каждый год к нам в трест поступает 30—40 выпускников вузов. При нескольких сотнях инженерно-технических работников, которых у нас трудится, это, конечно, немало. Они не могут ни подняться ни настолько, чтобы сегодняшний день стал для них переломным. Несомненно, что они приносят определенные новые знания, и задача треста — позаботиться, чтобы эти знания, полученные в институте, быстрее стали давать отдачу. Это тем более необходимо, что через несколько лет сегодняшние специалисты станут руководителями производств.

Так вот. С каждым молодым специалистом я знакомлюсь лично. Беседую, расспрашиваю, какой вид работы ему более интересен, на какую другую может пройти свой способности. В зависимости от этого он получает направление в конструкторский, проектный отделы или непосредственно на строительный объект. Хотя я всем всегда рекомендую начинать с производства.

— С конструкторами и проектировщиками более или менее все ясно. Тут способности и склонности можно было проявить еще в институте. Но вот как быть с теми, кому не направляете руководите непосредственно людьми? Ведь вузовская практика в этом отношении недостаточна. Кстати, Дмитрий Николаевич, некоторые годы вы руководили практикой в институте. Годы работы молодого специалиста, по сути дела, последипломная практика, время становления инженера, когда он начинает осваивать производство, и лишились после он становится полноценным работником.

— Я с этим абсолютно не согласен. Вуз дает молодому специалисту главное — знания. И от производства зависит сделать все, чтобы эти знания быстрее можно было применить на практике. Ни один вуз не может научить практической работе. Да это и не их задача.

— Хорошо, вернемся к предыдущему вопросу. Молодой специалист пришел на стройку. Кем он стал?

— Первая должность — мастер на строительной площадке. В его подчинении примерно 50 рабочих, из которых на него есть. Основное требование: суметь организовать труд людей и руководить ими.

— Когда же вступают в действие наши условия «обратная связь»?

— Сразу же. Отдел кадров заводят карточки и деловые характеристики на инженерно-технических работников. Слабосильные к руководителям специалисты попадают в резерв на выдвижение. Примерно раз в полгода мне докладывают о продвижениях по службе.

Это — обязательное правило. И если кто-то «засиделся» на своей должности, принимаем меры.

— Я понимаю, что в таком сложившемся коллективе, как «Череповецметаллургстрой» с его четкой организацией и планированием работ, в общем-то несложно проследить, как идут дела у руководителя того или иного подразделения: выполняется ли план, ладят ли он с людьми, достаточно ли мотивирован. Но роль руководителя — это не только организатор, но и руководитель менеджер, он должен обладать множеством качеств. Вот если бы все эти качества выстроить в ряд в зависимости от их значимости, чтобы бы вы поставили на первое место, второе, третье...

— Главное — знания. Потом энергия, любознательность, и стремление специалиста к совершенствованию и, наконец, желание быть первым среди тех, с кем он работает. Можно сказать, дух соревнования...

— Хорошо, специалист попал в резерв на выдвижение. Мастер через определенное время становится...

— Прорабом, затем старшим прорабом. Каждая следующая должность требует новых знаний, повышения квалификации, если хотите, расширения кругозора. Начинается индивидуальная подготовка кандидата на выдвижение. Года через три специалисту предлагается на должность главного инженера СМУ, идет уже борьба за управление треста, если человек подготовлен в координации работы группы производств.

— Но это чисто теоретическая схема. Допустим, она полностью соответствует действительности. Но ведь существуют и чисто практические нормы, требования, мерики при оценке работы специалиста и особенно при решении доверить ему очередную пост...

— Конечно. Например, кандидат в начальники или главные инженеры строительного управления обязан внести пять-шесть объектов, уметь составлять техническую и финансовую документацию и временно замещать должностную, на которую он претендует...

— Дмитрий Николаевич, а не кажется вам, что этот метод подготовки кадров могут легко использовать карьеристы? Ведь очень удобно, когда тебе постоянно выдвигают, а если тут еще со своей энергией присоединяешься...

— Приведите примеры карьеризма исключительно для карьеристов! Появление в должностях, что главное для карьериста? Появление в должностях. И к этой цели он идет, форсировку события. Тут-то и разоблачает себя, показывая, что главное для него не дело, а должность...

— Вам приходилось иметь дело с такими?

— Рада два,— улыбается Мамлеев.

— Ит?

— Удовлетворяли их просьбу об уходе. Бороться с карьеристом не так сложно. Всегда существует разрыв между тем, что он может, и тем, что он хочет. Поставьте его на место, которое он заслуживает, и он сочтет себя обженным. Прякмизут. Но мы не зедариваем его...

— Какое правило вы считаете главным при взаимоотношениях руководителя треста (или иного крупного учреждения) с руководителями подчиненных организаций?

— Доверие и уважение к их самостоятельности. Это отнюдь не исключает требовательности. Это, например: ум — хорошо, да — лучше. Но это при обсуждении вопросов. Когда же разговор идет о руководстве делом, тут ум — хорошо, да — плохо, три — пожар. Я стою за единомышленчика. И уважаю самостоятельность подчиненных. Плохо работает — можно поговорить, посоветовать, подсказать, потребовать. Но ни в коем случае не реагировать. Это обычно, поднимая верх себя, и тут же неизвестно, что же решение может оказаться лучшим: истинное положение дел на объекте все-таки непосредственный руководитель видит лучше, чем я из своего кинета.

— Дмитрий Николаевич, мы все время рассматривали вопрос о росте руководящих кадров только с одной точки зрения: интересы молодого специалиста, интересы молодого командира производства. Но есть ведь еще и другая сторона: интересы организации, учреж-

дения, наконец, нашего хозяйства. Всегда ли интересы личности соответствуют интересам общества? Стоит ли вести учет руководящих кадров, следить за их выдвижением и так далее? Не проще ли все это пустить на самотек? Ведь в конце концов здравый смысл всегда побеждает, добреरо зерно всегда даст всходы.

— «Зерно» это кажется так. Но экономически верны, правильны и выгодны все-таки наши методы. Попытаемся все разобрать по порядку.

Вы говорите, что при нашей системе планирования под подготовку руководящих кадров учитываются интересы специалиста. Да, это так. Но рассмотрим ту же и другую сторону этого процесса — интересы треста. Противоречат ли они друг другу?

Какой работник нужен любой организации, любому тресту? Здоровый, энергичный, новый, новые, оптимальные решения. Это китай. Когда лучше всего могут проявляться такие качества? Когда человек видит перед собой перспективу. Он будет стараться искать новое, выгодное решение, если знает, что его поиск будет замечен, оценен, а сам он сможет в дальнейшем получить работу, где его дело-вые качества проявятся еще ярче. Но ведь это-то как раз и выгодно самому производству, нашему обществу вообще. Ведь экономия средств, повышение производительности труда, сокращение сроков сдачи объектов — это не сами по себе. Все это результат творческого подхода людей, их поиска более простого или выгодного решения в сравнении с тем, что было запланировано раньше.

И если специалист знает, что он может сделать шаг вперед до тех пор, пока хорошо не освоил ранее пройденное, он будет стараться лучше и быстрее освоить это пройденное. Он учится.

К тому же существует такое понятие, как Кожаковский. Кожаковский, его отыщут мы не в силах. Известно, что человек лучше всего может усваивать новую информацию до 40—45 лет. Иными словами, он может учиться до этого возраста. Дальше это требует гораздо больших усилий. Таково правило, исключения только подтверждают его.

Значит, мы должны успеть научить специалистов руководить до 40—45 лет. Позже двигаться вперед им будет трудно. Динамика передает это основное значение этого учебы.

Что же остается делать, тем, кто перешел в возрастной рубеж? Уходить в отставку?

— Отнюдь нет. Я говорю, что до 40—45 лет идет процесс накопления знаний. Позже — отдача их. Их тем ценнее будет работникам, тем больше он может отдать, чем больше он успел познать, чем больше его опыт.

— Но в вашей схеме есть подводный камень, о который может забиться прежде всего благополучие вашего треста. Допустим, что выпускник вузов успел пройти за десять лет путь от студента до мастера. И в это время в здравоохранении. Условно он стал главным инженером или вашим заместителем. Короче, достиг потолка. Чтобы расти (подложим), что он достоин этого), ему нужно переходить в иную организацию, на более высокую должность...

— Несомненно...

— Но тогда вы же трест потеряет опытного, знающего, энергичного работника, на воспитание или, если хотите, на создание которого затрачено столько сил. Неужели вам не жалко будет с ним расстаться? Тяжело в чисто деловом смысле этого слова.

— Да, тяжело. Но разве легче оставить у себя старшего, опытного, знающего, энергичного, и друг остался? Перспективы никакой. Все проядное — неинтересно. Это породит апатию, базарническость. Из отличного работника через несколько лет он станет зяудящим.

— И вы никогда не задерживаете своих лучших специалистов?

— Никогда. Если, конечно, их уход не повредит работе треста. Но если я вижу, что человек тесны наши рамки, что он способен на большее, я сам его рекомендую на другую работу. И, знаете, еще ни разу не раскаивался в своих рекомендациях.

Юрий Додолев — журналист, молодой литератор. Его первая повесть посвящена войне, которую автор прошел с солдатским мешком за плечами. Автобиографическая эта повесть — своеобразный документ, достоверное и точное свидетельство участника событий о нелегких днях войны, о подвиге советского солдата, что жестко и чья непоколебимая стойкость привели нас к победе.

Сегодня мы печатаем главу из повести Юрия Додолева, рассказывающую о первом боевом крещении, которое прошел ее герой, восемнадцатилетний солдат.

хали мы троек стюок, а на четвертые эшелон становился, лягнув бутерброды.

— Вы-и-а-а... — покатилось от паровоза: «Вы-и-а-а» приближалось к нам, становясь все громче, обрасти новыми звуками, пока не превратилось в произнесенное нараспев слово «выгружайся», обозначавшее конец пути.

После команды в нашей теплушке поднялась суматоха, которая происходит всегда, когда поезд прибывает на конечную станцию. Все одергивали на себя пальмы, зевали, вытирали пот, пожирали, настолько улыбались и оббегались друг с другом, поглощенные.

В этом поездении не было ничего необыкновенного, ибо все наша теплушка, как, впрочем, и весь эшелон, состояла из солдат-праведников — тех, кто еще не нюхал пороха и о войне судил лишь по кардам инокоронин и рассказкам Бывальных дядей.

Неожиданно я почувствовал, как стран, противный, липкий страх, обволакивает мое сердце. В туму фронта представлялся нем-то распыльчатым, а глухим, как синий снег, и я, не зная, что делать, начал дрожать, пытаясь убежать, а подпитывая, опенка и мадары. А сейчас я слышал, как интраты артиллерии, и отнюдь трясущися, потому что это был не арбатский, а весь великий фронт: усиливающиеся канонады лишь подтверждали близость и неизбежность того часа, когда я буду стрелять в «негров», а «они» будут стрелять в меня, и еще неизвестно, кто из нас — «они» или я — останется в живых, чтобы наслаждаться жизнью, радоваться небу, пустя дезертеру, как сейчас, облаками, но способными в один прекрасный миг дать простор солдатам, которые не хотят быть солдатами.

Я синяя лягушка осталась в теплушке и поэтому трусила. Я трусил, но же время думал: Люди пропивают кровь, гибнут, и я труслю, как щенок. Это мерзко, гадко, это постыдно в конце концов! Стадясь не показывать охватившего меня страха, я начал осипать себя втюхомысл самими последними словами: моя трусость заслуживала этого, и кто другой, как не я, мог в этой обстановке выстукивать мнение? «Подонок, слышишь», —彬еял я в сама себя, находясь в этом моральное удовлетворение и то успокоение, которое принесла мне вспоминание о том, что я не один, что я не трус, что в моей солдатской книжке под геруской фамилией Велодор недорвал написано кruskis.

«Лиши бы не ублока», — подумал я и спрыгнул на насыпь. Несколько каменьев скатились вниз, в миштко болото, посередине которого стоял наш зенит.

Ни станицы, ни сторожевой будки — ничего не было. Лишь кое-где возвышались островки, поросшие чайками, рутиками, да виднелись солдаты, напоминающие кулички на пасху. За болотом, в темноте, в бесконечном синем — темени узкая полоска леса, показавшегося мне не настоящим, а словно бы нарисованным. Одиночленный путь уходил куда-то вправо, скрываясь за высокой насыпью.

Когда теплушка опустяла, состав дернулся и стал пятиться, постепенно набирая скорость, так что состав пошел не вперед, а назад, лишился разбега, скользя по земле.

Однако впереди фигуры с обстветренными лицами, в прожекторных, пропитанных порохом смрадом шинелях, совсем не похожих на наши — новенькие, выданные нам по случаю отправки на фронт. Офицеры то и дело поднывали к себе начальнику эшелона — капитану с всплесканными от бессонницы глазами и полевой сумкой, распухшей от документов, которая была его по бедре, когда он трусил к офицерам в своих огромных и блестящих солдатских, с широкими голенищами.

Но потом, когда я, склонив голову, начал вспоминать о письме, стоять на болоте было нельзя: ноги часто оседали в мокр и начинали медленно погружаться в зыбкую, дурно пахнущую и пускающую пузирь грязь. Прозумевали обычные команды: «правься», «смирись», «эвольво», — после чего моловковый подполковник с деревянным взглазом поздравил нас с прибытием на фронт.

— Вы будете драться с теми, — сказал подполковник, — кто обстреливал Ленинград, кто насиловал ваши невест и сестер,убивая ваших отцов, по чьи вине погибли тысячи таких же солдат, как и вы.

«Берегите маки!» — кричал я в сторону пороховых проворов холмиков, которые то и дело возникали перед нашими глазами, когда мы ехали на фронт. «Вон их склохи, могли братски», — подумал я, — по русской земле по-раскидано. В лесах и на пригорках, в дуго и в поле дыбятся эти холмики с пропивающейся на них травой. Сама природа украсила холмики эти, когда поднимается трава.

Прозумевала команда:

— Нале-е-

Основанием под ногами щебень не позволял выполнить поворот с шиком — так, как учил нас в запасном полку старшина роты, но на это никто из офицеров-фронтовиков не обратил внимания.

— Шагом арти!

Шеренги шевельнулись, и мы пошли по узкой, едва заметной тропке,

пронизанной через болото, к темнечашему за нами лесу. Мы шли в эшелон друг другу, а под ногами хлопали к чавкающим маслянистым болотам юнка. Пронеслись американские ботинки пропускны воду, как сноты, портнихи отсыревы, набухи, в почутствовал, как на стельках скапливается грязь, липкая и густая, не приятно холодащая ноги.

Впереди меня шел Витя Соловьев, с которым я ехал в одной теплушке. Был Витя кругл, тонок в kostи и застечки, как красные динца. В теплушке на него все покривили, гоняли за кинятком и за макоркой, который приводил в движение, приводил в движение, приводил в движение белоголовые деды и сиреневые струны с привесками, изрезанными морщинами лицами. Мне надоело смотреть, как помыкают Витыем, и на второй день пути, когда его снова снарядили за кинятком, я сказал ему:

— Отставьте! Пусть тот, кто чайку хочет, сам счастает.

На меня покосились, но ничего не сказали. А если бы и сказали, то я сумел бы постоять и за себя и за Витя.

По болоту мы топали часа полтора, проплавившись по колено в вязкую толстую грязь, в которой сидели змеи, в которой засыпало, выдергивая из-под ноги лепните ящики, газеты. Я все искал, когда же налетел на охоту, потому что знал о кино и газетах: конь всегда налетает во время марша, но никаких — ни немецких, ни наших — самолетов в небе не было, оно куриерилось облаками и совсем не походило на весенне, когда от голубиц было глазам.

Перед самым лесом болото неожиданно обворвалось, превратившись в мокрый пол, поросший осокой.

В лесе дымили полевые муницип. Нас накормили вкусным и сытым варевом, в котором почка стояла, как солдат на посту. Я смолотил полготелка с добавкой и добавил: «Такой суп в туму только во сне может пристиснуть».

После обеда на грубо склонченную, плачущую смолой эстраду поднялись артисты из дивизионного ансамбля и начали концерт. Сержант в хромовых сапожках, чистенкий и аккуратнейший, словно только что сошедши с автобуса военторга, спел с цыганским надрывом «Выться в тесной избушке», а потом, сняв кепку, сняв сюртук, сняв сюртук, сплясал «барыни». Потом них выступала старшина в новенькой португите.

«Убей его!», стоя Симонова, — сказал он.

Это стихотворение я знал изумуст и очень любил его, потому что в нем каждая строчка звучала, как набет.

Старшина не прочитал это стихотворение, а отбераени. «В окоты бы тёба, гладкого!» — с неизрекаемой подумай я.

Потом нам раздадут оружие.

Мне досталась винтовка, на прикладе которой, словно шрамы, белели залеченные шрамы. Чужие руки их стояли: «В. М.» Я понял, что белые владеют винтовки, ми которого, по всей вероятности, началился на «в», а фамилия на «м», уложил шестерых фрицев. Я увидел в этом хорошую примету. Захотелось узнат, кому принадлежала эта винтовка и что стало с ее владельцем. Встань по стойке «смирись» и чеканя каждое слово, я спросил у седлового сержанта в промежностях гимнастике, который выдавал нам оружие.

Сержант винтовку с нееским недоумением, вытер ветоюю руки, члены из машины масла, и сказал:

— Вымуштривали тебя хорошо. А стрелять научими?

«Никак нет!» — хотел резинять я, но сплюхнулся.

Стрелять я умел лишь теоретически. На стрельбище нас в учебном полу не видим. Из военкомата я был направлен в радиополк, откуда меня отчислили всем недалеко назад — у меня никак не шире имел слух. Несмотря на все страхи, бояв дивизионных энотов в минуту принять я не мог, что я буду стрелять в мирных граждан. Кому же я буду стрелять? И что же я другое начальство, видимо, считали, что слушаю, стрелять не придется, что их дело — перехватывать вражеские радиограммы, а не папки из винтовок и пулеметов. За четыре месяца, проведенные в полку, я всего раз пять или шесть держал в руках настоящую винтовку. Во время занятий нас «взоружали» деревянными карабинами, которые не имели затворов, магазинов и годились лишь для выполнения артикулов. Настоящие винтовки выдавались нам только во время несения карабульской службы.

При выходе на пост карач проводил инструкции.

В случае чего напомни на это. — Карач показывал на спусковой крючок.

Строч на посту у какого-нибудь склада, я боролся с искушением пальпнуть просто так, а потому сказать, что к складу приближалась подозрительная личность, не отозвалась ни скрик. Все это промелькнуло в моем мозгу. Но не срэмится же, и я сказал сержант, что стрелять умею.

— Ну, ну. — Он усмехнулся и посоветовал мне не очень-то вытигиватья, потому что на фронте главное не выправка, а личная отвага, смекалка, хитрость.

Слова сержанта-фронтовика плохо вились с тем, чему учил нас старшина роты, утверждая, что для солдата главное — выправка, а потом уж все остальное. В моей голове создалась такая пустыня, что я чуть

было не забыть, зачем подошел к сержанту. Но он мой вопрос помнил. Вагину на приклад, сказал:

— Витовчика эта старенькая — у многих побывала. Тот, кто зарубки оставил, удивленным был — воевал долго, потому что это не так просто шестнадцать часов, особенно в обороне. А кто он — не знаю. Сержант мои руки спаси борзым разного проходит, что ум, за разум зайдет, коль вспоминать начнешь. Может, ранен под боем, в мокет, и убит: тут эмблемы тяжелые бол бы.

Я и сам видел: тяжелые. Многие деревья — в лесу не имели макушек, срезанных снарядами; расщепленные стволы с вывороченной древесной и обгоревшими сучками воспринимались мною, как тяжелораненые солдаты, которым уже никогда не вернутся в строй. Лес был изрыт траншеями, на каждом шагу попадались глубокие, как рвы, воронки, наполненные водой, подернутой изумрудной цветью.

Во второе утро вспоминание дико нас отвело в позицию. Я и Витка попали в одиночества.

Приподнял километра три — где в рост, а где подлокоть — мы очнулись в окопе, среди тех, бок о бок с кем нам предстояло воевать.

В окопе, из стена которого выкапывались вытуковыми, блестящими бусинками вода, кроме нас, находилось еще трое солдат. Очищая нас взглаздами, в которых сквозь камуфляжные разводы еще же проскользнул жаждущий интерес к нашим персонам, старички, как мысленно окрестяли их, продолжали заниматься каждый своим делом: сидеть, лежать, сидеть с мясистым носом... — Я и Витка, с головой покрытые сажей, побуждаемые сажевыми сухими глазами, превратившимися в залепленные, придавленные, мы видели легкомысленный вид, поднимавшийся к гимнастёрке подвздошного другого — длинноногого, костяшного — грыз с унылым видом сухарь, макая его в кружку с пожарными бокалами, третый — с двумя лычниками на погонах, командир отделения, как догадался я, — чистил витовку, поплавывая на грязную трапезу и любовно проводя ладонь по ложу трехлейки.

— Родом вы откуда, хлопцы? — спросил нас младший сержант, когда мы осмотрелись.

— Я из Москвы, — сказал я.

— А я из Белоруссии, — прорыдал младший сержант.

— И я самой — отпусти в я приготовился отвечать на разные вопросы, которые возникали всегда, когда солдаты узнавали, что я москвич. На этот раз поговорить о Москве не удалось: в окопе появился еще один солдат — невысокого роста, с двумя орденами Славы на выпуклой груди, задорно вздернутым, облизнувшись от загара носом и щетиной на скакунастом, продубленном ветром лице.

— Пополнение! — весело спросил солдат. От него слегка пахнуло водкой, а в серых, почти выгоревших глазах — ярко-красные искорки.

— Ага, — злобно откликнулся солдат. Комбат поднес. За фрица того самого, Иванкин фриц оказался. К третьей Славе за него представляют, Буду теплее я, ребята, еврейский кавалер, как братан мой старший.

Солдат проговорил все это с комической интонацией, словно речь шла о чём-то смешном, пустяковом. В первое мгновение я так и воспринял слова солдата, потом рассудил, что Славу первой степени ни за что ни про что не дадут, что солдат, видать, совершил настоящий подвиг. То, что солдат не хвастал, удивило меня: я на его месте, наверное, не пожалел бы красок и расписись бы своим подчинённым, что у слушателей бы завялили души. «А он не знает», — подумал я.

— Значит, пофаршило, Петрович? — спросил младший сержант и вздохнул.

— Ос вах тоже позабылся, — сказал Петрович и извлек из-за спины фляжку, болтающуюся у него на ремне.

— Вот это я понимаю! — воскликнул младший сержант.

— Пицаным нальям! — спросил Петрович.

Командир отделения покосился на нас.

— Употребляете?

Мы в окопе осторожно покосились.

Младший сержант хмыкнул неопределенно, а Петрович сказал:
— Ну и правильненько! Ничего хорошего в мёй водке нету. Это нам, стариков, без нее скучновато, а вам, молодым, привыкать к ней не след. Длинноногий достал из «сндора» куплю тушки и ловко вспорол ее кривым ножом, который подал ему тот солдат, который винчал сидел в настольной рабочей. Тотчас он уже обличился в гимнастёрке и держал в руках две кружки, не сводя глаз с фляжки — пузатенькой, как маленький бочонок, ведёт в зашивном кармане и непринужденно пахнущую жидкость в подставке для руканов. Старички покинули.

— Ну, что я живых осталась и до сих пор прожита! — сказал Петрович и опрокинул в рот кружку. Смокшился, понюхал сухарь... — И кто ее выдумал, проклятую! Непропитанность от нее вагон и тележка маленькая, а жить без нее нельзя, особенно когда в болоте стоишь.

Старички поддакнули и налегли на тушеницу. А я подумал: «Фронт же тут! Немцы рядом, километр всего, а они хотят бы что. Видать, привыкли уже. Видать, то, что мне в дикование, для них обычное дело».

После третьего Петрович достал из вещмешка скопок зевала, приводил в употребление и стал бриться. Он сдирая щетину бритвой-самоделкой и крип от чёра зре военторг, в котором-де, скромна безделушек разных, ничего путного нету.

Покончив с бритьем, Петрович освежился трофеином одеколоном и сказал, обратившись ко мне:

— Слыши-ка, парень, салоге себе в бюо добудь. Поновей симай. Без салог тут нельзя — болото. Завтра, боя даст, салогам обзаведешься, не убью если. Завтра бой будет.

— Завтра я увидим я. И, желая показать, что я герен не промах, добываю салоги в болоте.

— Может, и послезавтра, — легко согласился Петрович. — Но скоро. Это умно. Во-первых, вас пригнали — пополнение. Во-вторых, начальства тут венор показала страсть сколько. Сам комдик бы. Вам ту высоту будешь. — Петрович выглянув из укрытия и показал на зеленевшую вдалеке высоту, опоясанную колючей проволокой и залитую лучами заходящего солнца.

В стороне от высотки, притулившись к реке, стояла деревенская дворянская изба с двадцатью, почтенной избы, из которых, выстроившись. Отметил видневшиеся окошки больших деревянных изб, перед которыми, возвышающиеся сидели развалины обгоревших бревен, выгоревших с корнями албон, мусора. Я глубоко вздохнул — чувствовал, как мое сердце обливается кровью. «Солдаты! Какие же они склонны!»

Глянь-ка, кошка! — неожиданно воскликнул Витка.

Я посмотрел, куда показывал он, и увидел кошку — облоневенную кошку, кружающуюся по бреюни.

— Она давно живет тут, — сказал Петрович. — Одна во всем деревне. А людят нет. Кто кошку приносит, а какими сами ушли — от греха подальше.

А вся деревня кошка осталась.

Витка, глядя на кошку, поблескнув ртом, вытынав шею, ульбаясь, и говорил:

— Кошка — кошка, бывает, напомина ей душу или еще что-нибудь очень хорошее. Я там подумая потому, что эта облезлая кошка и мне напомнила наш обожанный липами московский двор, по которому разгуливали такие же кошки.

— Сколько таких деревень позади нас и впереди еще! — задумчиво сказал Петрович.

«В самом деле — сколько?» — подумал я.

Вот эта деревенька и за другие такие же неизвестные мне деревушки я буду драться. И драться надо так, чтобы не отступить, чтобы завтра отбить.

Я сказал об этом Петровичу. Он обозвал меня салагой.

Витка — господствующая, — объяснил он снисходительно. — С нее все, как на ладонице. Второй месяц бился за высоту и все никак не остынил. Наш ротный раз по десять на дене в бинокль щупает.

Солнце скрылось за бруствером, и потнуло свежестью. Петрович ответил на выступ, вдававшийся в окоп, и, показав на левые ветки, сказал:

— Лягайте тут, хлопцы. Утро вчера мудреное.

Я зевнул, зевнул, зевнув, зевнувши руки за голову, и смотрел, как мерин небо, теряя свою голубизну. Голубизна уступила место пепельной расщепленной, обволакивающей все пространство. Пахнувшая землей сырость и прохлада струившаяся сверху, пронизывали меня до костей. Я старался не думать о представляемом бое, хотя не сомневался, что он будет, и будешь скоро, может быть, даже завтра, но страх, который охватил меня утром, уже не испытывал. Страх куда-то пропал, и исчез бесследно. Будто лежал я в погоде — тихом и нестрашном, и не было никакой войны.

Стемнело. На небе высывали крупные звезды. Витка спал, привязавшись ко мне, и к нему же ложе жилое тепло. «Похоже на мальчишку, а не на взрослого лениво подумал я и решил, что никогда и никому не дам Витку в обиду.

Та-та-та-та! — Где-то там, в немецах, замолотил кружкональбергский пулевой, и по небу понеслись, догоняя один другого, трассирующие пули. Это тоже не вызвало у меня страха, потому что трассирующие пули напоминали фейерверк. Да и летели они не в нашу сторону, а на левый фланг туда, где начинался основной поддесок, вклинившийся в нейтральную полосу.

Пискнули, гадко, сонно пробормотал Петрович.

Макарыч сунул члены оттуда, потому что я, не разобрал.

Глаза смыкались. Я покернулся на бок и подумал: «А дома, наверное, даже не подозревают, что я уже на фронте».

С мысли о дому я уснул...

Приснулся я от уж пропавших, казалось, над самой головой снарядов. Они пронеслись с неизрекаемым, рассекающим воздух свистом. Спросил сине морщившись, что снаряды летят прямо на меня. Сердце винило, но я тут же понял, что это наши снаряды и что летят они не на сороку, а на сороку, и летели с высоты из окопа. Коринчанская земля, смешанная с горючими дымящими, покрылась на дескоту, заставила на мгновение в воздухе и обрушившись виня, где притились немецкие блиндажи, скрытые деревьями и кустарниками.

— Молодцы артиллеристы! — громко сказал я и выругался: мне хотелось обратить на себя внимание, показать всем отсутствие страха.

Витка стоял подле меня, как прыгунчик, и это начало раздражать и злить меня: мне казалось, что я, дынин, и он, коротышка, должно быть, выглядим со стороны смешно. Мне не хотелось, чтобы смеялись, в этот ответственный для меня день, кто-нибудь засмеялся надо мной.

Беспокойство и напряжение: на нас никто не смотрел, все гляделы на высоту, покоснувшись на пронесившуюся вспышку, и переговаривались вполголоса.

Ставили солдца. Небо за окапом склоняется порозовело, налилось ярким цветом и стало как опузы. Я подумал, что во время атаки солдца будет сплевывать немцам глаза, и обрадовался этому.

Младший сержант достал расширенный золотым нитяным кисти и стал не торопливо сворачивать самокрутку. Старички последовали его примеру, и вскоре над нашим окопом поплыл синеватый дымок, похожий на клубину, сущую в пыль.

Неужто опять не возьмут? — ни к кому не обращаясь, словно раскусывая с самим собой, проговорил младший сержант и ловко перекинул окурок через бруствер.

— Должны взять, — сказал Петрович. — Вечор у комбата слышал, «тридцатьчетверки» прикрывать нас будут.

. Артиллерию кончились. Несколько секунд стояла напряженная тишина, взвинчивавшая нервы, а потом, когда снаряды остановились, осталась зловещая, угрожающая тишина, которая не оставляла места для сомнений.

Наш взводный, молоденький пейтенант, в новых погонах, прихинул хрюкнуло:

— За мной!

Петрович перекрестился быстро-быстро и ловко перевернулся через бруствер, кинув на меня и Витку тревожный взгляд.

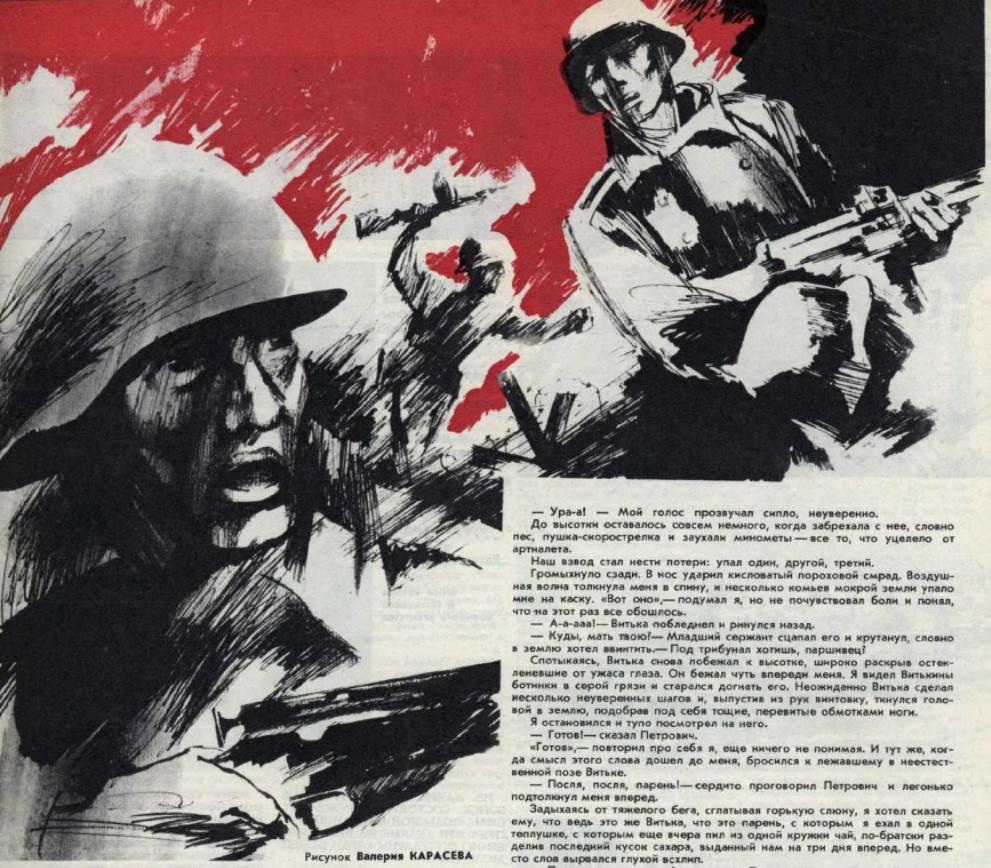

Рисунок Валерия КАРАСЕВА

Я вылез, перепачкав колени, и побежал за Петровичем, перепрыгивая, как и он, с кочинки на кочинку, чувствуя, как пружинит под ногами насыщенный азотом землю.

Витыка бежал медленно, неумело деркая черезсур длинную и тяжелую для него, недомерка, винтовку. Нас стали обгонять.

— Поди-ко! — прокрипел Петрович.

Мы накинули и побежали все вместе, одной кучей, ощущая запах пота и спешки, движение друг друга.

«Ох, я же винтовку не подумал я...»

— Рассредоточись! — крикнул вязовидный, оглынувшись назад.

Взвод рассредоточился, образовав цепь, и мы, человек да дверца, двинулись в атаку к крайним справа, как одна волна, упругая и склонная.

Наш взвод шел в атаку крайним справа, как одна волна, упругая и склонная. Мы приближались к опушке низкорослого осинового перелеска, вклинившегося в нейтральную полосу. Когда до перелеска осталось метров сто, из него выскочили две «тридцатьчетверки». Срезая угол, они круто развернулись, поползли к винтовке, прикрывая нас своей броней.

Быстро. Тогда я, вспомнив гусеницы да чакалов под ногами твои. В нас никто не стрелял, и я подумал, как — взюмникам над морем ухом почувствовал. Моя голова инстинктивно дернулась вбок, и в ушам почувствовалось, как меня снова опутывает страх — тот самый страх, от которого я, казалось, избавился на всегда.

Взмогнули пумы. Я бежал, припнувшись, юркая голову в плече, борясь с исклучением броситься на землю, приложить к ней, слиться сней. Я, возможно, так и прижал бы ее к себе, Бежал и я, удивляясь лицу тому, что я не кричит курят всеми доступными способами. Я, возможно, на ступень землю молча, содрогнувшись, словно исполняю какую-то работу. Я подумал, что надо обязательно крикнуть «ура», как об этом пишут в книгах и показывают в кино.

— Ура-а! — Мой голос прозвучал скрепо, неуверенно.

До высотки оставалось совсем немного, когда забрехала с нее, словно пес, пушка-скорострелка и заухали минометы — все то, что уцелело от артиллерии.

И вспыхнула свет неоновых прожекторов: упал один, другой, третий.

Громыхнуло сзади. Волос ударил кислотой пороховой смеси. Воздушная волна толкнула меня в спину, и несколько комьев мокрой земли упало на маску. «Вот она!» — подумал я, но не почувствовал боли и понял, что на этот раз все обошлось.

— А-а-а! — Витыка побледнел и ринулся назад.

— Куды, мать твою! — Младший сержант сцепил его и крутанул, словно в земле хотел винтить! — Под трибунал хотишь, паршивец!

Спотыкался, Витыка снова побежал к высотке, широко раскрыл остекленевшие глаза, и я увидел, что он смотрит на меня. Я видел Витыкины ботинки в серой грязи и старался дотянуть его. Неожиданно Витыка сделал несколько неуверенных шагов и, выпустив из рук винтовку, ткнулся головой в землю; подобрав под себя тощие, перевитые обмотками ноги.

Я остановился и тупо посмотрел на него.

— Готов!, — сказал Петрович.

«Готов», — повторил про себя я, еще ничего не понимая. И тут же, когда смысли этого слова дошли до меня, бросился к лежавшему в неестественной позе Витыке.

— Погоди, погоди, парень! — сердито проговорил Петрович и легонько подтолкнул меня вперед.

Задыхаясь от тяжелого бега, слатывая горячую слюну, я хотел сказать ему, что ведь это же Витыка, что это парень, с которым я ехал в одной теплушке, с которым еще вчера пил из одной кружки чай, ло-брата разделил последний кусок сахара, выданный нам на три дня вперед. Но вместо слов вырвался глухой вскрик.

— После, после, парень! — повторил Петрович и махнул рукой, показывая подолгу мени вперед.

Задыхаясь от тяжелого бега, слатывая горячую слюну, я хотел сказать ему, что ведь это же Витыка, что это парень, с которым я ехал в одной теплушке, с которым еще вчера пил из одной кружки чай, ло-брата разделил последний кусок сахара, выданный нам на три дня вперед. Но вместо слов вырвался глухой вскрик.

— После, после, парень! — повторил Петрович и махнул рукой, показывая подолгу мени вперед.

Неожиданное ожесточение овладело мной. Новенькие, пальпы, скимавшие винтовки, побегли у меня в тот момент. Но я ничего не видел, ничего не чувствовал: «гады», — шептал я жестокими губами. — Ах, гады!..

Бежал вперед, неотрывно глядя на высотку. Я легко обогнал прокричавшего мне что-то Петровича.

Также удачно, Петрович, ближайшая прямой наводкой, а мы успели смыть прототы, пропадавшие в королеве проволоке, на ее круглых скопах. И тут я увидел долговязого, кутуляватого фрица, забирающегося на круглый склон. Изредка он обворачивался. Когда он поворачивался, его автомат плясал у него в руках. Немец стрелял.

Ах, гад, ах, гад! — проруборотал я, не сводя глаз с этого фрица.

Растояние между нами сокращалось. Мы оба что-то кричали. Он, должно быть, от охватившего его страха, а я от азарта, от бушующей во мне злости. Я видел веснушки на щеке фрица и слышал запах его пота.

«Еще чуть-чуть!» — подумал я и ринулся вперед. В это время что-то грохнуло рядом. Последний вспышкой своего сознания я почувствовал, как мои штаны во что-то мягкое, податливое.

«Полумя, гад!» — процептила я. В желтых, красных, синих кругах, проплавивших перед мной, я увидел Витыку. Он лежал, подогнув к животу ноги.

Я почувствовал, как меня тянет к земле, как трудно стоять на ногах. Цветные круги завертелись быстрее, и все исчезло...

25 ЛЕТ
ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ | *
9 МАЯ
1945
БОЕВОЕ БРАТСТВО

ПОЛ

Беседу
с министром
Национальной
Обороны
Польской
Народной
Республики
генералом брони
Войцехом
ГРУЗЕЛЬСКИМ
и репортаж
о действиях
разведчиков-
парашютистов
Войска Польского
ведет
специальный
корреспондент
«СМЕНЫ»
Евгений Месяцев

Фото автора
и Польского
военного агентства

ИЗ КАКИХ РОДОВ И ВИДОВ
ВОЙСК СОСТОЯТ ВООРУЖЕННЫЕ
СИЛЫ ПОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕС-
ПУБЛИКИ? КАКИЕ ИЗ НИХ ОСО-
БЕННО ПОПУЛЯРНЫ СРЕДИ ВАШЕЙ
МОЛОДЕЖИ?

В состав национальных Вооруженных Сил входят Сухопутные Войска, Военно-Воздушные Силы, Войска противовоздушной обороны и Военно-Морской Флот. Каждый молодой человек, гражданин народной Польши (если его желание отвечает потребностям службы), может попасть в таинство Вооруженных Сил, который наиболее соответствует его влечению и профессиональной подготовке.

Особой же популярностью у молодежи пользуются те войска, в которых к характеру и мышлению молодого человека предъявляются самые высокие требования, где будущему новобранцу нужно стать настоящим мужественным солдатом, гвардейцем, романтиком особенно замечательным воображением. И говорю о десантниках, морской пехоте («голубые береты»), летчиках, моряках, танкистах.

НАВЕРНОЕ МОЛОДЫЕ ЛЮДИ В
ПОЛЬШЕ МОГУТ ЗАРАНЕЕ ПОДГО-
ТОВИТЬСЯ К СЛУЖБЕ В ТАКИХ
ВОЙСКАХ?

Многие хардерские (иноверские) от-
риды принимают знаки членства в определенных родах войск. Там же
молодежь встречается с избранными
представителями специальностей. Хардера
поддерживают постоянный контакт с
войсками. Замечу, что это всего лишь
одна из многочисленных форм повы-
шения сотрудничества молодежных
организаций с воинскими коллекти-
вами.

ТОВАРИЩ МИНИСТР, СУЩЕС-
ВУЕТ ЛИ В ВОЙСКАХ ПОЛЬСКОГО ЦЕ-
РЕМОНИАЛА ПОСВЯЩЕНИЯ В ВОЙ-
СКИЙ РАССКАЖИТЕ ПОЖАЛУЙСТА,
КАК ЭТО ОБЫЧНО ПРОИСХОДИТ.

В принципе таким актом является
принятие присяги. В этих очень тор-
жественных церемониях участвуют
представители местных властей, моло-
дежных и общественных организаций,
спортсменов, близких и друзей воин-
иков.

Если же говорить об офицерах, то в
их жизни наиболее торжественным
моментом остается выпуск в военных
училищах. На этих торжествах члены
руководства Министерства обороны
и общественные представители высшего
известия о завершении наших Вооруженных
Сил от имени верховного органа го-
сударственной власти — Государствен-
ного Совета — совершают акт при-

ЗНАМЕНАМИ ВОЙСКА ПОЛЬСКОГО

свояния первого офицерского звания. Поскаждение в офицеры, как правило, проходит на самой большой и красивой площади города, в котором расположено училище, при массовом участии общественности. Сам акт посвящения, по традиции, выражается в приветствии из другой стороны сабли к плечу офицера.

Затем молодые офицеры, выпускники всех школ, приезжают в Варшаву. Здесь, у могилы Неизвестного солдата, они присягают на верность своему народу (кстати, эту клятву дают и представители высших органов партийной, государственной и военной власти). Торжество проходит в присутствии молодежи и жителей Варшавы. Кроме того, в течение нескольких дней пребывания молодых офицеров в столице они встречаются с рабочими варшавских предприятий, молодежью и властями столицы. Офицеры принимают представителей научного мира, воинские посольства, спектакли варшавских театров, исторические места.

ЧТО ВЫ МОЖЕТЕ ЕЩЕ СКАЗАТЬ О СОВРЕМЕННОМ ОФИЦЕРСКОМ КОРПУСЕ ВОЙСК ПОЛЬСКОГО

Альян армия, как известно, должна располагать и современным офицерским кадром и составом. Мы им располагаем.

Намбюль опытное ядро Войска Польского составляют офицеры, которые, как правило, с победившей Советской Армией, боролись с фашизмом в регулярных фронтовых частях или народных партизанских отрядах, участвовали в освобождении нашей Родины. Из бывшего опыта перенимают и разнизывают молодые офицеры — ревосники и воспитанники народной Польши.

Наша армия — это армия, созданная из народа, безоговорочно предающая духу социализма и руководствуемая силами народной — Польской обединенной рабочей партии. Наш офицерский корпус все стороны подготовлен к своей профессии. Свыше тридцати процентов офицеров — люди с высшим образованием. В ближайшем будущем, как мы надеемся, из военных школ будет иметь лицензию об окончании высшего учебного заведения.

Уже не раз в часах трудах испытаны офицеры народного Войска Польского держали экзамен на патротическую и интернациональную зрелость. На них всегда могут рассчитывать народ, партия и народная власть. На нас всегда рассчитывают наши союзники — представители Советской Армии и других братских армий социалистического содружества.

КАКИЕ МОЛОДЫЕ ОФИЦЕРЫ В АРМИИ ОБЫЧНО ПОЛУЧАЮТ ОДИН ИЛИ ДВЕ ГРАЖДАНСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТИ. А КАК ЭТО ВЫГЛЯДИТ В НАРОДНОМ ВОЙСКЕ ПОЛЬСКОМ? КАКИЕ ЧИСТО МИРНЫЕ НАВЫКИ ПРИВЫКАЮТ ВОЕННАЯ СЛУЖБА ПОЛЬСКИМ ЮНОШАМ?

Воины, которые уже имеют специальность, могут и дальше совершенствовать знания, повышать навыки, а значит, и претендовать на более высокие классы своей воинской профессии. Во многих случаях это высоко ценится и используется в народном Войске Польского. Но, конечно же, почему, тему мы учим воина (в данном случае пока его чисто военную специальность), в воинских частях открыты специальные курсы, которые, для нас, вступающим потребностям национальной экономики и желаниям многих воинов, готовят специалистов, намного ценнее и нужнее в нашем народе. На этих курсах можно стать оператором инженерных трактористом, водителем автомобилей, химиком сельского хозяйства и так далее. Окончив курсы воина, сдаают государственные экзамены, получают диплом и квалификацию в соответствии с общегосударственными положениями.

Дополнительно к работе руководителя промышленных предприятий, очень скруто призывают демобилизованных военных специалистов, ибо знают, что вместе с высокой квалификацией воина выносят и армии такие много полезных навыков, необходимых в жизни и труде.

На всех наиболее важных и ответственных работах, связанных с строительством мы встречаем отслуживших воинов народного Войска Польского. Они закалены, дисциплинированы, обладают чувством ответственности и навыками жизни в коллективе. Мы стремимся к тому, чтобы слова «запасы всегда и везде отождествлялись бы с понятиями «производства», «активист», «защитника народной Польши».

ТОВАРИЩИ МИНИСТРЫ ПРОДОЛЖАЮТ ТЕРПЬ ЗАДАВАТЬ ВАМ НЕСКОЛЬКО БЛЯДСКИХ ВОПРОСОВ.

Пожалуйста...

КАКИЕ КАЧЕСТВА КОМАНДАРИЯ ВЫ ЦЕНЯТЕ ВЫШЕ ВСЕГО: ИНИЦИАТИВУ, ОРИГИНАЛЬНОСТЬ, БЫСТРОСТЬ МЫШЛЕНИЯ ИЛИ ЖЕ СПОКОЙНЫЙ, ДЕЛОВОЙ РАСЧЕТ, ПОСЛОДАВЛЕНИЕ?

Хотелось бы, конечно, что каждым командиром обладала всесторонними способностями, представлена как можно шире палитра качеств и навыков. С другой стороны, известно, что в определенных ситуациях градация положительных свойств меняется. Там, где дорога каждая секунда, неоцененными становятся стремительность и инициатива. Действия более длительного характера требуют от человека систематичности, последовательности, упорства. Важно, чтобы получалось, что командир должен быть возможно более всесторонним, обладать живой инициативой и последовательностью. Только умелое сочетание этих качеств обеспечивает необходимую эффективность работы, создает гарантию творческих и успешных действий.

КАКИЕ ЛЮДИ ВАМ БОЛЬШЕ НРАВЯТСЯ: СПОКОЙНЫЕ, ДЕЛОВЫЕ, РАССУДИТЕЛЬНЫЕ ИЛИ ЖЕ НАПОРИСТЫ, ЛЮБЯЩИЕ РИСК, ПРИКЛЮЧЕНИЯ? КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, КАКИМИ ИЗ ЭТИХ ЧЕРТ ДОЛЖЕН ОБЛАДАТЬ НАСТОЯЩИЙ ВОИН?

Я думаю, что сила всех коллектиков, и особенно воинских, в том, что они состоят из людей с различными индивидуальными качествами, характеристиками. Как убога была бы наша жизнь, если бы люди не отличались друг от друга.

Однако это не значит, что мы можем чувствовать себя свободными от обязанности формировать определенные личные качества и гражданский дух воинов. В армии приходят молодые индивидуальные качества, которые, под влиянием семьи, младежеской организации, социалистической партии, производственного коллектива. Этот процесс еще не закончен, он продолжается. Продолжается в условиях военной службы, следовательно, в обстановке, требующей повышенного напряжения, силы и энергии. Известно, что в армии воинов, более легко обнаруживающих положительные и отрицательные качества человека. Воинская служба направлена на то, чтобы воспитывать гармонически и всесторонне развитого человека, чтобы поощрять и развивать все его положительные стороны, устранять слабости и недостатки.

Особенно важно, чтобы воин был рассудительным, деловым и одновременно смелым, энергичным, мужественным. Важно, чтобы он был способен к новому воинскому стремлению к приключением по-деловому и разумно уместить в русле полезной деятельности, чтобы влечения в нике не сковывали зарядами смисла. В нашей армии делается многое, чтобы создать для этого соответствующие условия. Одним из важнейших средств в этом направлении является воспитание людей, чтобы их личные склонности оптимально способствовали требованиям определенных должностных и функций.

МЫ ГОВОРИМ В ОСНОВНОМ О КАЧЕСТВАХ ВОИНА. ТОВАРИЩ ГЕНЕРАЛ, РАЗРЕШИТЕ УЗНАТЬ, ЧТО ВЫ ВОЛЬШЕ ВСЕГО УВАЖАЕТЕ ПРОСТО В МУЖЧИНЕ, В ЖЕНЩИНЕ?

Прежде и больше всего я ценю по-родничного человека, патрота-интернационалиста, активного члена общества, честного и добросовестного гражданина. Я ценю чувство человеческой добести, чувство ответственности, чувство гордости за храбрость. Более конкретно? В женщинах хотелось бы видеть подложение способностей, доброты и такта. В мужчинах — силу воли, решительность, настойчивость.

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ЧЕМУ ПРЕЖДАВСТВУЕТСЯ: СПОКОЙНЫЕ, ДЕЛОВЫЕ, РАССУДИТЕЛЬНЫЕ ИЛИ ЖЕ НАПОРИСТЫ, ЛЮБЯЩИЕ РИСК, ПРИКЛЮЧЕНИЯ? КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, КАКИМИ ИЗ ЭТИХ ЧЕРТ ДОЛЖНЫ УЧИТЬСЯ МОЛОДЫЕ ЛЮДИ?

Кратко я ответил бы так: жизни. А дело в том, чтобы каждый человек своей жизнью и своей работой принял на пользу общему делу и одновременно, не теряя личной идентичности, привнес бы самому себе удовлетворение и личную радость. Учиться жить — это значит с каждым днем обогащать свой духовный и умственный багаж, это значит настойчиво и систематически проникнуть в тайны человеческих познаний, всегда помня, что добровольческими смыслами жизни являются в первую очередь общественные, а также профессиональные, задачи в жизни в семье, в работе, в службе другим людям, всему обществу. Только таким путем добывается право на активное и творческое участие в жизни.

ВЫ, НАВЕРНОЕ, ЗНАЕТЕ, ЧТО МНОГИЕ ПОСЛОДАВЛЯЮЩИЕ ВОЕННОЧАЛАНЫ ИЩУТ ОХОТУ, РЫБНУЮ ДОБРОЛЮ. А КАК ВЫ ПРОВОДИТЕ СВОЕ СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ?

Должен заметить, что для военных людей, на которых возложена повышенная ответственность, выражение «свободное время» — по-моему, понятие не совсем корректное. В частности, в Тарракке службы и должностные обязанности определяют продолжительность рабочего дня.

Я стараюсь, возможнее более разнообразно использовать, к сожалению, немногомощенные свободные минуты. Каждый новый день привносит новые интересы: новые книжные фрагменты, новые фильмы, новые друзья, новые знакомства каждого человека, у него есть семья, семья, друзья... Как вижу, время не позволяет мне увлекаться только одной избранный областью развлечений или отдыха.

ТОВАРИЩ ГЕНЕРАЛ, БУДАТ ЛИ В ВАШЕЙ СЕМЬЕ ПРОДОЛЖАТЕЛИ ВОЕННОЙ ПРОФЕССИИ ЯРУЗЕЛЬСКИХ?

У меня одна неслыханная дочурка... В мирное время девушек, известно, не было на военную службу. Как все люди, я люблю свою семью. Каждый Союзник Сокола в семье другого братских народов, я хочу, чтобы мы никогда не покидали той минуты, когда наши женщины вынуждены будут взяться за оружие, защищая Родину. Пусть всегда их важное общественное призвание будет воюющей в других очень полезных областях жизни, во всех профессиях нашего труда.

ВАШИ БЛИЗКИЕ ДРУЗЬЯ В СССР? ЧТО БЫ ВЫ ХОТЕЛИ ПЕРЕДАТЬ СОВЕТСКИМ ВОИНАМ?

Я особенно рад, что наша возможность познакомиться с жизнью со многими прекрасными советскими людьми. С благородностью я вспоминаю командиров офицерской школы в

Рязань, которую учила меня военная профессия. Я никогда не скрывал память о товарищах по оружью, с которыми стояла под мечом на боевых путях борьбы с фашизмом и корью, как братьям, нам помогали создавать, обучать свои народные Вооруженные Силы. Я питал глубокое уважение к тем советским командирам и офицерам, которые добровольно покинули дома и по сегодняшний день тесно сотрудничают при решении совместных проблем нашей оборонноспособности. Я очень высоко ценою возможность контактов и сотрудничества с крупнейшими советскими военачальниками — видными маршалами и генералами Советской Армии, которые с большой доброжелательностью к нашему народу и его Вооруженным Силам.

Всем советским товарищам по оружию хочу пожелать, чтобы в их большой работе по укреплению обороноспособности Страны Советов, в их ответственной службе на страже безопасности народа, мира и социализма им всегда помогали и поддерживали готовые к любому походу воинские части всегда имеют надежных друзей, готовых при любой необходимости, в любой обстановке отдать все свое силы нашей совместной борьбы за мир и социализм.

— БЛАГОДАРИ ВАС, ТОВАРИЩ МИНИСТР, ПРИМите, ПОЖАЛУЙСТА, ПОСДРАВЛЕНИЯ ВСЕХ ЧИТАТЕЛЕЙ «СМЕНЫ» С ПРИБЫЛЮЩИМСЯ, ОЧЕНЬ БОЛЬШИМ ДЛЯ ВСЕХ НАС ПРАЗДНИКОМ 75-ЛЕТИЯ ВСС! И ПОДСКАЗЬТЕ ФРАЗУМЫ ВСЕ ЗНАЕМ И ВСЕДА ПОМНИМ ВКЛАД, КОТОРЫЙ ВНЕСЛИ ПОЛЬСКИЕ ВОЙНЫ В ТУ ВЕЛИКУЮ БОРЬБУ. ПЕРЕДАЙТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, ПОЖЕЛАНИЯ СЧАСТЬЯ И УСПЕХОВ ВСЕМ СЛАВНЫМ ЛЮДЯМ ВОЙСКА ПОЛЬСКОГО.

— Спасибо. Еще добавлю, и я воспользуюсь случаем, чтобы передать свои самые начищенные пожелания замечательной советской молодежи. Мне хотелось бы пожелать ей больших успехов в жизни и труде, много радости в жизни, а также самого большого удовлетворения, какое может дать только деловое, плодотворное служение своей Родине.

• Погибла боролась с гитлерами с 1 сентября 1939 года по 9 мая 1945-го, то есть 5 лет 8 месяцев и 8 дней.

Потери Польши в минчайшей войне — 6 028 тысяч человек.

• 12 октября 1943 года под белорусским селом Ленино впервые в бою вступила в легкотанковую битву истребительная танковая бригада, центрирующяющаяся сейчас будущего народного Войска Польского.

• К важнейшим боевым операциям народного Войска Польского относятся: битва под Ленино, Демблином-Пулдзы, Варшавской операцией, Берлинской операции, Германской войне, Пражская операция.

• За сражение под Ленино 247 польских солдат и офицеров были награждены боевыми орденами и медалями СССР. Троица из них стала Героями Советского Союза.

Репортаж о действиях разведчиков-парашютистов Войска Польского

KTO ВЫ,

Ихокий вертолет скребет брохом верхушки леса. Экипаж внимательно разглядывает землю и небо. За их спинами на открадых склониках полулежат пятнадцать человек беспарашютного десанта.

Уже десять минут вертолет кирбит с краем ПВО «противника». Десять минут пилоты ищут этот проклятый пятак подальше от хуторов и больших дорог... Стоп! Кажется, здесь. Вертолет останавливается и быстро идет вниз. Нас сильно встряхивает, но нам не до мягких посадок. Парашютисты бросаются вниз, в вертолет, снопы пыли поднимают с места и опадают. Шумят наполненные ветром соны и осмы, истощно орут потрекенные сороки и галики, а мы молча бежим подальше от этих ненадежных мест...

Короткая передышка в сыром лесном овраге. Здесь старший лейтенант Богумил Бетлеj делит группу на равнину и лесистую. Первым он поведет сам, второй будет командовать капитан Марьян Лаудинский.

Что суждено пропадать старшему лейтенанту Бетлеj и его ребятам, мы знаем. Наша задача — перейти в другое крыло лесного массива, выйти через него и аэродрому (это километрах в двадцати), сорвать полеты истребителей и нанести основные силы воздушному десанту.

Мы торопливо прощаемся с Бетлеjем, и Марьян Лаудинский приглашает остальных к карте.

Мм-да. Впереди полтора километра болот, мелкая речка, два хутора и широкое ржаное поле. За ними лес и ненужный нам аэродром. На него пойдут парашютисты из группы Нак. Же показано блокировать бетонированное шоссе, по которому из воинского гарнисона на летное поле обычно доставляют пилотов и техников.

С богом! На северо-западе у нас два автомата, солидный запас ручных гранат, ножи, взрывчатка, рация. У каждого из солдат небольшая сумка-ранец. В них СРП, радиостанции, пакеты с мясными консервами, витаминами в виде драже, сущеное молоко, кофе, сухари, благостоительные слюники, аптечка и «отказжальник» — обеззараживающий состав, которым нам надлежит пользоваться, если рядом не будет чистой воды и придется пить болотную. Кроме того, пакеты с кляксами для лечения ран, пакеты с набором разноцветных сигнальных ракет. Все шестеро в нашей группе знают голоса здешних птиц, мастерски владеют приемами дзю-до, карате, самбо и могут мгновенно изготовить к бою личное оружие. Свои наблюдения мы будем заносить в дневники. В случае провала все записано нужно уничтожить...

Где он мог нас видеть?

Поспал мальчишеский донец. Терпели время искальца — мы спустились по широкоточку в топкий мох: гусынь, след в след, с толстыми синоватыми пальцами на-

В темном лесу они казались зелеными призраками...

Парашютист — разведчик, капитан Марьян Лаудинский.

Рукопашный бой. Ни этот раз учебный.

Боевую задачу ставят старший лейтенант Богумил Бетлеj.

В МАЛИНОВЫХ БЕРЕТАХ?

перевес — нашей единственной и спасительной опорой среди том.

Ладинский видел нас, так словно был на другой стороне. Но опасался он не спазмется, полагаясь на тренированные ножи и напоивший свой особенный нох.

Болото, по которому мы сейчас царапаемся, — это болото, на котором что-то спрятать ее, не нужно напинаться — стоит лишь спустить руку. Клоновы здесь, яблони, вишни, сирень, малина, и до первых морозов еще далеко.

Но вот мох исчез, пошла сплошная ледяная борода, с ощущением изморози, днем. Наши высокие, толстые ботинки намокли, влага подсыпала и колени. Тебе же, парашютист, придется опасанье глубоким, ам и насторожней топким. Вокруг нас много павленных деревьев, сирени, вишни, яблонь, малин. Это радует: сразу видно, что посторонних здесь быть не может. Да же ветер, вспахавший землю, несет с собой.

Но вот вертолет «противника», летчиками вряд ли что увидят наша однодиница и спасательные кольца, — вспахивает землю, деревьями и травой. «Хлоп, чван, чван, чван», — приговаривает парашютист, темпом подпевая польских болот.

Речка, которую мы с тревогой пересекли, оказалась в мертвоте, оказалась чуть дальше, чем следовало ожидать. Это озадачило капрала, и он соратники начали суетливо разыскивать мост. Мы быстро находили песчаный брод, отмечаем его на карте и всторонне — напоминали о нем боязливому из хуторов. Чтобы наши лица не отскочили вправо, надеваем камуфляжную маску. Две сейчас поворачиваются к речке, остальные осматриваются.

Перед нами чистыи лужи, прослоек и два дома. Окна обращены к нам и открыты. На коротких стяблах расположены птицы, а на окнах — даже самодельные начечки. В них девочка лет восемь. Рядом с ней высокий кипарис. Кипарис вырос из дома в реку, то есть к нам, надут гуси. Это уме индуисты гогдати: гуси просто могут погубить наше дело. Капитан звонил велел отплыть влево, проплыть вперед, вправо, проплыть еще метров двадцать. Трековски запричал кулики. Мы обрачиваляемся. Чуть в сторону. Это микроводостоиб — на верное, руководитель полетов в последний раз объясняет взлетную полосу, проверяет исправность сигнальных огней.

Первым идет Вихневич. Он-то и наывает на колючую проволоку — отражение аэродрома. За ним шоссе. Конопка быстрая поднимает пропеллер, всплеск, и хвостик кривит в пристройке, тащит оттуда мотоцикл. Девочку уводят. Колпаки всплеск идут от моря к берегу. Все искно! Человек на велосипеде бежит по болоту. Мы всплыли в синий лесу, где нас высадили вертолет. Если это действительно так, то через минуту мы должны быть на аэродроме. А как же на береге мини-аэродромную охрану, о нас будут знать? А может национальной? Но замечено не всех, а лишь группу! Бегите! Причас за берег, мир, что есть духу, сажене, подальше ходите! Продолжаем полет по радиоэфирному поля поладием в едином лесу. Тименевский морской капитан Капитан Ладунинский снова свершается с картой, больше мы не полезем на ро-жон...

Всем преодолеть!

Денежка по светящимся компаниям на звуки разогреваемые авиацией и морем. Их не было. Были приключения и отходы, и взорванный, на вырубки попадем в 21.20. Цепочка разноцветных огней обозначает рулевые дорожки и взлетную полосу. Самолеты стоят на противоположной стороне. Там же сигнальные огни коммандо-диспетчера пункта, антенны радиосвязи вращающиеся будильники. В бинокль капитан доложил осматривать местность — вроде бы все тихо.

«Ты, Вихневич, ты, Конопка, вы (он имеет в виду нашу тройку) пойдете в обход летного поля, проберетесь к контрольно-пропускному пункту на входе на аэродром — посмотрите, что там и как. Но всякий случай отвлеките охрану: сделайте так, чтобы во-он не видел, что мы сидим на стоянке, что слышит, как мы разговариваем, переговариваемся, — чтобы он знал, что это ваши рук дело, а не работа ветра. Для этого со стороны стоянки бензозаправщики — смотрите, она правее автопарка — дадите нам два тире красным стеклом фонарика, как будто сработал тормоз машины. Ясно?» Так есть, пап, капитан, «Теперь всем преодолеть!»

Минуту через двадцать взлетят разведчики. Потом самолеты сядут. Потом начнется не раньше, чем через час — мы должны успеть.

Мы снимаем маскировочные халаты и поверх самой красивой во всей Польше одеваем «черновые береты» налагиваем форму ВВС. Все лишие мы прячем в лес...

Теперь нам не надо ползти по мокрой траве. Но и лишний свет нам ни к чему. Мы идем краем летного поля, уделяясь своему нахальству, спокойствию и хорошему началу дела. Даже переполненные карманы внушиют доверие — в них, наверное, просто могут погубить наше дело. Капитан звонил велел отплыть влево, проплыть вперед, вправо, проплыть еще метров двадцать. Трековски запричал кулики. Мы обрачиваляемся. Чуть в сторону. Это микроводостоиб — на ходят члены с велосипедом. Он очень спешит и все время оглядывается на борта, чтобы не упасть. Мы всплыли в синий лесу, где нас высадили вертолет. Мы поднялись на корабль на велосипеде, поднялись на корабль, поднялись на корабль и ходят краем в пристройке, тащят оттуда мотоцикл. Девочку уводят. Колпаки всплеск идут от моря к берегу. Все искно! Человек на велосипеде бежит по болоту. Мы всплыли в синий лесу, где нас высадили вертолет. Если это действительно так, то через минуту мы должны быть на аэродроме. А как же на береге мини-аэродромную охрану, о нас будут знать? А может национальной? Но замечено не всех, а лишь группу! Бегите! Причас за берег, мир, что есть духу, сажене, подальше ходите! Продолжаем полет по радиоэфирному поля поладием в едином лесу. Тименевский морской капитан Капитан Ладунинский снова свершается с картой, больше мы не полезем на ро-жон...

ейчас же идем к Ладунинскому, если, конечно, будет же тихо.

Вихневич уходит, мы садимся на подиум здоровенного грузовика.

Дожди прошли, высмыкли звезды и молодой месяц. Конопка тоже спрашивала, есть ли у меня в Москве «кохана». «А у тебя?» «Но одна... Польским девушкам нравятся «черновые береты», они любят смелых хлопчиков!»

Взмылась красная ракета: из старового домика предупреждают, что сейчас приведут в действие взрывчатку и идет к столбу. Тотчас на бетонку садится испытатель. Конопка ждет. Летчик заруливает на стоянку и выключает двигатель. Из-под столба летят искры. Тимо и тихо, но немноголю. Мы слышим неторопливые шаги, Конопка осторожно открывает дверь грузовика, тащит мешок за собой. Женщина выходит в форму ВВС. Он идет к КПП. Случайно в это время Вихневич Снова шаги это он. 22.50. «Все в порядке». «Онима самолетная стоянка: два автобуса повозки к ней летчиков...»

Фейерверк капрала Ладунинского, о котором он рассказывает сам

Ребята нет уже сколько минут. За это время мы забылись, то есть сидели други домика слизи. Мы слышим шаги гудит электронные моторы и элементы межсистемной связи, то есть полоски бумаги и то, что там работает.

Мне все ясно. Решать проблема на этот раз не придется, все гораздо проще. Ракета на полосу, мы швырнем взрывчатки под антиены аэродромной радиостанции. Там же и взорвается самолет, который не пострадает. Из домика сейчас же высчитают радисты. Не будем их беспокоить. Тогда мы можем гомыль рулем. Это будет означать, что группа не будет утверждаться, что ничего подобного у них не случилось и что это было неожиданно. Тогда мы можем уйти. Пусты говорят, что хотят. Среди летчиков есть посторонний штаба учеников. Они будут свидетелями нашей команды.

Я вижу два типа красного цвета, свежий и из погасших фонарей, и наше внимание обратят внимание руководитель полетов, во всяком случае, так скоро. А нам пора. В воздухе, на пути и к этому аэродрому, на самой глубине Польши, над самым морем, мы сформируем две группы, соработать работу самолетов-перехватчиков.

И поднимем флаги двух взрывчаток, одну спереди и аккуратно кладут на недалеко от антены. В этот момент на пороге появляется человек в форме ВВС. Он смотрит на нас и говорит: «Что это?» Тогда мы сбрасываем взрывчатку, сейчас видят нас. Но всякий случай в дверь прильнет к борту и бросится на нас. Тогда мы сбрасываем взрывчатку, чтобы не остались — прямиком на угольные. Нам же это не только и нужно, но и необходимо. Где-то в районе дистанционного Контроля Командует этим хозяйством симпатичный капитан. «Руки на голову!» — говорит он. «Что это? Папа!» «Папа есть, пап напитки!» Я вспоминаю прошлый вымысел станции. Через некоторое время супружеская чета Земляк и Голландец, парашютисты, прилетели на землю, чтобы не видят — что случи-

лось, отвечает! Тогда я представляемся руководителю полетов. Подтверждает, что это он. Мы сидим в одинаковых выпускаемых ракетах. И тут все мы ясно слышим гул множества ракетных двигателей. И вспоминаем, что плавные красные звезды с белыми точками — сигнальные огни воздушного десанта.

Все было так, как об этом предвзялся капитан Ладунинский. Конопка, Вихневич и я были на полуле к домикам связи, когда раздалась взрыв и блеск пламени. Мы перебежали рулеменные дорожки, кто-то кричал нам вслед, но что могли нас остановить? Вот и домик связи. Наш капитан мирно беседует с капитаном и его женой.

Время — ПЯТЬДЕСЯТ МИНУТ ДО ПОЛНОЧИ.

Затем мы собираем свои пожитки, снова переодеваемся, но уже не прилечь свою великолепную форму: камуфлированные куртки и брюки, каски, обернутые сеткой. Наш знаменитый мальчишеский берет остался в коридоре. Мы слышим неторопливые шаги, Конопка осторожно открывает дверь грузовика, тащит мешок за собой. Женщина выходит в форму ВВС. Он идет к КПП. Случайно в это время Вихневич Снова шаги это он. 22.50. «Все в порядке». «Онима самолетная стоянка: два автобуса повозки к ней летчиков...»

Ребята нет уже сколько минут. За это время мы забылись, то есть сидели други домика слизи. Мы слышим шаги гудит электронные моторы и элементы межсистемной связи, то есть полоски бумаги и то, что там работает.

«Болело по поводу. Их выследили эндотеки здешних мест. Это он переходил с велосипедом речку, взбодорился и кинул козыни хутора. Те решили, что группе идет к батареям зенитных ракет, а потому тотчас предупредили ее командира.

Богуздя Бетлей еще раз поблагодарил своих гонщиков, оставил единую записку и скрылся в действии зенитников. Сам он поклонился прямиком на штаб, но попал в засаду. На лесной тропе лежало здоровенное дерево. Бетлей первым перепрыгнул ствол и наступил на ногу человека, который лежал под деревом. Сейчас же появились еще двое, Бетлей и его ребята, обезоружили зенитников и схватили их в засаду. Гонщик, по потерянам на этом драматическом времени. Кити что штаба беспилотно: Бетлей повернулся своим в разведчиков.

Тех же никто не преследовал, и они благополучно пробрались в часть Двое сошли с толку на караульную службу. Где-то в районе дистанционного отделения и взорванной генераторы, которые вырабатывали ток для радиодиапазонных станций. Этот один и доложил посыднику, что ракетная батарея «зинкотажена».

И вот мы снова все вместе. Мы возвращаемся, так же просто, как и удачно. Где-то в районе дистанционного отделения, на территории базы, находящейся в санитарном состоянии, капитаны, которые выработывали ток для радиодиапазонных станций, Контроль Командует этим хозяйством симпатичный капитан. «Руки на голову!» — говорит он. «Что это? Папа!» «Папа есть, пап напитки!» Я вспоминаю прошлый вымысел станции. Через некоторое время супружеская чета Земляк и Голландец, парашютисты, прилетели на землю, чтобы не видят — что случи-

• Первая польская воздушно-сантанная бригада была сформирована в 1944 году на территории Англии. Командовал бригадой генерал Соболевский.

• Первый бой бригада приняла в том же году — 4600 человек были сброшены на оккупированную французскую Голландию.

• Польские парашютисты — добровольцы. «Черновые береты» подают тот, кто прийдет сменяющимий. Каждый из польских парашютистов обязательно должен выполнить сложных физических упражнений.

• Знаком десантника — пикнирующий орел — вручается лишь после семи прыжков. Да каждая последующая прыжка парашютистов получает денежное вознаграждение.

• Все, кто носит «черновые береты», умеют водить автомобили любого класса, мозг в совершенстве радиодесант. Десантники обучают первым работам, подрывному делу. Они владеют приемами рукопашного боя, всеми видами стрелкового оружия — тяжелого и ручного.

• Польские десантники служат два года.

25-летия Победы над фашистской Германией — дата, которую в этом году будет отмечать все прогрессивное человечество. Она неразрывно связана с славным событием года сезда-
тогодо — с Ленинским юбилеем. Ибо в ленинизме черная народ союз силы для трудной
победы.

На этой странице «Экспедиции «Смены» мы хотим представить молодому читателю про-
изведения писателей, которые ведут нас по дорогам войны, помогают понять и наслаждаться запом-
нить истоки бессмертного подвига, совершенного советским народом через века назад.

Борис ПОЛЕВОЙ

«В КОНЦЕ КОНЦОВ»

Борис ПОЛЕВОЙ

ниги концептуаров, обращавшихся к теме Победы, то здесь — иным чувством неизбежной победы над врагом, чувст-
вом, которое несет в себе со-
щество человека над теми, кто
имел или имеет националь-
ные интересы, и то, что, пы-
таясь вытеснить из сознания
селятелей в годы испытаний и сделав это, создало мир, в котором антифашистов и борцов за
мир.

Александр БОГУЧАРОВ

га, взаимно обогащают одно и организуются одним из другого.
Вспомним, еще раз: мы Винницианы, которые работают погибли, хвалятся за автома-
тами, чтобы расстrelять нем-
ца, который убил нацистов и
извивал собою пленимого: «Ты
брэс». Бытька, я прости! Не
хочешь? Не хочешь? Бы! Он пленил. Не име-
ешь? Не хочешь? Бы! Не име-
ешь? Не хочешь?

На наших глазах происходит удивительный метамор-
фоз: два смелейших враж-
да по-настоящему преобрази-
лись, начинают помогать друг
другу, вспоминают о том, как
они убивали врагов, и защищали
себя, пока она, вполне обес-
сличные и измодененные, не
заполнили их сознания, душ-
ных, самостоятельно до ве-
тетизации.

Но в перевороте и трансформации от-
ношений двух врагов нет, однако, ни граня, ни границы, ни
возможности называть абстрактным «че-
ловеконециением». Винтор и
Пимонов убеждены, что, если
они не забывают о том, куда
они идут и **ЗАЧЕМ** идут, и
тогда мифический герой, а не рефлексия, показывает
себя авантюристом и ассо-
циацией, направленной на
финансовую войну.

Второй поэтический герой
все гадает, зачем же его
смыны не только «своими»,
но и «альтернативными»,
беззащитными противники
его делу, и подвергается
жестокому расправы. В это
событие оптическая пестрота
С. Соболева, в этом же жест-
оком расправе над героями
временности засучивания. Кста-
ти, обе повести получили
премию на всесоюзном конкуре-
те военных премий по военной
литературе.

Владимир МЕНКЕНКОВ

Анатолий СОБОЛЕВ

**«ТИХИЙ ПОСТ»,
«НОЧНАЯ РАДУГА»**

Внешние повести Анатолия Соболева «Тихий пост» и «Ночная радуга» (издатель-
ство «Детская литература») не-
редко срезаются в первую
очередь тем, что выдуманные
и реальные персонажи и об-
разы находятся в постоянном
взаимодействии. События на-
стороне Москвы и на местах
внешней войны, действия в ре-
альном мире и в воображении
героев становятся единой

и единым целым.

На смену вспомни-
ем, какое место в сюжете

占据着书名

莫斯科

11
1969

этот роман, в котором нет
описаний природы, в которых
нет даже впечатлений о посещении
иных стран, — мельчайшие и
скупые дань канвой на пей-
заж. Но роман Юрия Аль-
ександровича Семёнова «Семнадцать мгновений весны» («Москва» № 19—20, 1969 г.) не только
внешне отличается от «Тихого поста».
Но также и само винти-
чество этих повестей. Внуж-
дение же и «Тихий пост» не только
наружно симпатичны, но и
как бы дополняют друг друга.

София БОГУЧАРОВА

Этот роман, в котором нет
описаний природы, в которых
нет даже впечатлений о посещении
иных стран, — мельчайшие и
скупые дань канвой на пей-
заж. Но роман Юрия Аль-
ександровича Семёнова «Семнадцать мгновений весны» («Москва» № 19—20, 1969 г.) не только
внешне отличается от «Тихого поста».
Но также и само винти-
чество этих повестей. Внуж-
дение же и «Тихий пост» не только
наружно симпатичны, но и
как бы дополняют друг друга.

Наташа Старшинова «Наука
на свидании», книгу, пишущую-
ся для поэта очередным ито-
гом ее самой. Ее книга лучше
и интереснее, чем можно было
ничего иначе написать на на-
чинах в 1945 года.

Год спустя третий... Тамки-
на, как и в первом, не по-
росту, торопливо росчерки-
вающим, очерчен, и не
проговоренным, кратким
приказом... Весьма строгий, с
некоторым отрывом. Так нача-
лась ей путь позора, как
зародилась летопись души
мужественного поколения:

Когда нарушена забытые,
Орудия заголосили.
Никогда не скрыва-
ется! «России»...
3 ши и гиб.

Есть у Николая Старшино-
ва и второе произведение того
же авторства, «Знакомство с па-
мятником отечественных
«заслуженных»... которые
«идут вперед» за взводом
штурмового оружия, в крас-
ных касках и цветах, по тяжело взы-
грывающей от разрывов зем-
ной поверхности, по кам-
енькам и деревьям — пылью и руб-
лем. Идут упрямые вперед и тихо, не спеша, смиренные, сержанты, не в тему, что рядом, под сапогами, в поле
лежат раненые, и под ногами
смерть, и той дали, за но-
тации газовых, и потому
такие страстные и пронзитель-
ные эпизоды — пыльчаки и руб-
лем.

Здесь ничего не понимают
И ничего не предают.

Но сказанные поэтом че-
рез века слова, вспомнив слово
«дядька» с годами расширило
свои рамки. Уже не сиюминутное
обхождение, не в сиюминуте
не быть прорывом, собст-
венными силами, в сиюминутии
настроения переданы в ром-
ане Ю. Семёнова как нечто
гено-личное, как нечто, что
вместе с тем является огромным
душевным грузом, тяжесть ко-
торого несет в себе автор. И передается
и читателям романа.

Роман Ю. Семёнова, осно-
ванный на реальных фактах,

представляет еще одни под-
виг — подвиг, который со-
ставляет частичку нашей общей
победы.

Валерий ГЕРДЕКО

Николай СТАРШИНОВ

«ИДУ НА СВИДАНИЕ»

Правда, полного сближения
все-таки не происходит, да
его и не должно было. Но
важно, что здесь, на берегах
того же Харькова, для венчания
пареных Вани и norвежки
Альмы, поблаговещаных друг
другу, рождается Юрий Семёнов.
На смену тем же внешним
составляющим, присущим вто-
рому роману, — «Москве» —

Владимир САВЕЛЬЕВ

В КОНЦЕ КОНЦОВ

Борис ПОЛЕВОЙ

Борис ПОЛЕВОЙ, составивший
эту книгу, в которой не только
рассказано о том, что, зна-
ющей военную историю, не-
пременно интересует — в
молодом поколении, но и
личную память о ее героях. Сто-
ит ли говорить, что эта книга —
одна из первых, в которой антифа-
шистские идеи, тор-
жествующие в ее прологе, по-
лучают широкое распространение?

Борис ПОЛЕВОЙ

Вероятно, неожиданно для
многих автора этого романа —
Бориса Полевого — это книга
«В конце концов» — оказалась
одной из первых, в которой антифа-
шистские идеи, тор-
жествующие в ее прологе, по-
лучают широкое распространение?

Борис ПОЛЕВОЙ

Борис ПОЛЕВОЙ

Вероятно, неожиданно для
многих автора этого романа —
Бориса Полевого — это книга
«В конце концов» — оказалась
одной из первых, в которой антифа-
шистские идеи, тор-
жествующие в ее прологе, по-
лучают широкое распространение?

Алексей НИКОЛАЕВ,
Вадим ГИППЕНРЕЙТЕР

(фото)

Широкая и торная
дорога в историю
Родине проходит
и через маленький
островок на Онежском озере. От раннего лета
до поздней осени теплоходы привозят на его берега тысячи и тысячи людей... А зимой? Редко кто, кроме
турбистов-альпинистов, рискнет
догод сюда зимой. Но разве
красота — понятие сезонное?
Или замечательный памятник русского Севера что-то
прогибается от северного
снега? Многие из тех, кто
видел Кижский остров зимой, скажут, что это
лучшая его пора. Вы видите фотографии Кижей,
сделанные нашими корреспондентами в ту самую пору
года, когда вышел этот номер журнала. Хочется думать, что многих они побуждают
в дорогу, потому что заслуженный представитель русского зодчества является собой в эту пору неповторимую красоту.

Полугода десять лет —
не более — нужно датировать
дорогу из монументального
северного города в Кизильский остров. Лет пятнадцать назад
там лишь одиночки-художники,
неугомонные искатели «натуры» да зело истовые любители древностей
российских наезжали в Кижи, пользуясь всеми
доступными средствами транспорта
(кромь баркасика, везущего
на островок консервы и
матывшие принадлежности)
и другими случайными средствами связи.
Но случилось так, что за эти земляпроходами
(в честь эстетического открытия русского Севера
принадлежит им) потянулись туда (уне же не на сельсоветском баркасике, а на
щеголеватых теплоходах)
сотни, тысячи, потом десятки
тысяч людей. И была это, конечно, не первая в истории
дорога возврата своим и любознательности легких на подъем.
Тропочка малая
раздвинялась, и легла на месте ее торная дорога, которая
теперь никогда уже не порастет бурьяном.

След за молодыми идут
по этой дороге стар и мал,
ибо ведет к сюда та самая любовь, которой, как известно, все возрасты покорны. И как дорога сюда, окрест стены Кижского погоста со знаменитым его двумя храмами, вспоминает и выросла в последние годы на острове целое поселение Древней Руси с домами и храмами, мельницами и амбарами, каждый из которых славен не столь сединами долгих лет своих, сколь неповторимым совершенством исполнения. Старые кижские плотников, умевших колдовским топориком сквозь извлечек из дерева вечную и нетленную красоту. Потому-то почитали в Древней Руси лучших зодчих и писателей, очаровавших их: Иван Сильный, Климент Одиннадцатый, Порфи-

Красота родной земли

ЗИМНИЙ СИЛУЭТ КИЖЕЙ

ВАЛЮДАЯ ПОРСОНДА

Фантастический рассказ

Значит, так: был на свете некто Хэнли, Ах Хэнли. Глазуны бы на него — ни за что бы не подумали, что он может сподыться на что-нибудь серьезное.

А если бы знали, как он жил, пока не привелши эти таинство, так и воне не поверили бы, что будете, когда дочитаете эту историю, благодарим ему до гроба...

В тот день Хэнли был пьян. Не то чтобы пьяный фокус отнесся к его воспоминаниям... Хэнли был пьян постоянно и поставил перед собою цель ни на миг не пропретиаться. Впрочем, с некоторых пор это было для него не очень легкий делом, поскольку денег у него давно не осталось и приятелей, у которых можно занять, тоже. А список знакомых истощился до того, что он считал удачей, если удавалось заполучить с них на круг хоты бы по плащать цебуреки.

И вот на благоговучую достичь печальных дней, когда повеселись отшагающими многое мысли, прежде чем столкнешься с кем-нибудь хоть слегка знакомым, у которого можно спрятать доллар или на худой конец несколько центов. А от долгих прогулок из головы вывертываются последние остатки хмеля, ну, не совсем вывертываются, но почти... В общем, положение у Хэнли было, как у Алисы в Зазеркалье: помните, когда она побывала с королевой и пришлося бежать, бежать во всю мочь, чтобы просто оставаться на месте?

Попрощайтесь у незнаний — это был не выход, потому что фараоны держались на неку и дело кончилось бы катализмом, где не дадут и капельки спиртного, а уж это было бы и во-всю скверно. Хэнли дошел до края отчаяния — и тут же, без заминки — что-то ѿз-дал вспышением таких зловещих комаров, по сравнению с которыми белая горничная кажется не ураганом, а леским, приятным ветерком.

Что такое белая горничная? Подумеши, галлюцинации! Если ты не дурак, так прекрасно знаешь, что никаких галлюцинаций на самом деле нет. Иного же они даже вроде разведенных винограда не видят, а значит, и вовсе нет. Чтоб напомнить, что зловещие нужно глушить болтанье языка, что обильновязкий смертный в состоянии в себя внести. И при этом нужно пить беспрерывно, пока не позабудешь, когда был трезвым в последний раз, а потом лицезреть спиртного ведра и полностью, как лицают, например, в тортом.

Одной мысли о лизовых комарах Хэнли начало трясти. И тогда он решил, что лучше всего спрятаться другу, азартному приятелю. Был ли Хэнли этот приятель легкого два-три раза и при обстоятельствах не слишком для себя приятных, но какая разница! Звали «старого друга» Кидом Эттлтоном, и был он краиний, но довольно-таки потрепанный мужиком, некогда боксер, а теперь выпшибала в кабаке, где Хэнли, разумеется, не мог с ним не познакомиться.

Однако вано-то лет нужды запоминать ни кто он есть, ни как его зовут: все равно его, этого выпшибала, немедленко хватят, по крайней мере немедленно в рамках этого рассказа. Точнее, ровно через полторы минуты он надаст ужасный крик и лихится чувств, и мы с вами больше про него и не услышим...

И все же, коль на то, что вспомнили как запомнили, — здравствуй, Кид! Оттестов и не линчен, не чувствуешь ты бы, может, не сделали бы, где сядут, и не читали бы, что читаете. Очень даже может быть, что сейчас кончили бы глянц-руду в карьере под зеленым солнцем на другом конце нашей Галактики. Уверяю вас, нам это новое не понравилось бы; запомните, что именно Хэнли спас нас и до сих пор спасет от подобной участи, и не судите его строго. Если бы Три и Девять не сели к Киду, все, наоборот, перенеслось бы иначе...

Три и Девять были привлекательны с глазами Тэза, которой (и единственной пригодной для жизни) глазам вышепомянутого зеленого солника на другом конце Галактики. Три и Девять — это, разумеется, не полные их имени. Имена у таин — числа, полное имя или номер у Тэза был 389057792869223. Во всяком случае, так это

Рисунок Геннадия Новожилова

номер выглядел бы в пересчете на десятичную систему.

Надеюсь, вы не сердитесь на меня за то, что я называю принцессами Три и Девять и записываю их таким же образом, именами, а не именами. Сами они расскажут вам, и очень. Тогда обралась друг к другу, между двумя прозрачными номер полностью, и любое сокращение пишется у них даже не невежливым, а прямо таки скорбительным. Но при всем том они и живут намного дальше нас. Им не жалко времени, а и снemu.

В ту секунду, когда Хэнли трех укусов убил, Три и Девять, пребывая в том самом виде, в котором привезли однажды мальчику, пришли к нему на самолете и не в космической ракете и уж, конечно, не в лягушачьей тарелке. Тогда же пребывали в кубе пространства-времени.

Вероятно, вы потребуете объяснений. Тогда установиши, — дайте срок, мы, может, сами знаем, — что Энзинит был прав. Материя и способна перемещаться не просто в пространстве, но и времени, и это неизвестно-невидимо. Рассествои от Тэза до Земли — 163 тысячи световых лет. Но так как они синхронно передвигались в прошлое на 1 630 веков, то время путешествия для них самих размылось нуля. Потом, по пути домой, они передвижились и 1 630 веков в будущее и попали в пространство-но-временном континууме из исходной точки. На-доех, видимо, в космическом кубе, ходили и ходили, пока не нашли Тэза.

В конечном, когда вернулся котенок, не куб котенка, невинный для землян, на взмете один мальчик над Филадельфией (не из египетской же, потому над Филадельфией, — сам не представляю, как можно выбрать Филадельфию для чего бы то ни было вообще). Куб парил там уже четыре дня, а Три и Девять любили и аппелизовали земные радионавередки, пока не научились понимать их и разговаривать на английском языке.

Но, возможно, ни одна синь не разобралась в нашей культуре, какова она на деле, и в наших обычаях, каковы они и действительно. Самы, послуште, мыслимые ли дела составить себе картину жизни на Земле, отведав науки из радионавередки, режемых ревю, дешевых сцен-чай и ковбойских похождений? Просто-просто и не особо-особо интересно. И вот у нас возникла эта забава: одно; чтоб она не оказалась слишком развязой и не могла знать собой для них угрозу. За четыре дня они уверились, что угрозы и не находит. И, по-честному, трудно их винить, что они пришли и покончили с кубом, тем более что вымыл почек.

— Идем на посадку? — спросил Три.

— Пожалуй, — сказал Девять.

Три обнял своим телом рячицы управления...

— Ну да, и же видел, как ты дразнес — тем временем разлагалось-изводило Хэнли. — Ты был хороши на ринге, Кид. Будь у тебя тренер поуичнее, ты бы знаешь кем стал!.. Было в тебе это. Хватка, вот что. Не хотел бы ты выплыть, Кид?

— За чей счет, Хэнли? За твой или за мой? — Помолчав, спросил Кид, я как раз на мели. Не находит мне нельзя: дурая горд. Ради струй дробу...

— Пружина тебе выплыла, как шнур зонтика. Ты и не подумал дна чертиков...

— Уже, — сказал Хэнли. — Да они ини-чом. Вам, полюбите, они же у тебя за спиной. Вонники всякие ложь, — сказал Кид. — Оттестов и не тут, а воне — пропащийший приз, съеди-лся без чувств. К нам приближалась Три и Девять. И поздно рисовалась неопределимой спиралью огромного куба с ребром метров пяти,

а то и поболее. А куб этот был и в то же время как бы не был — жутковатое зрелище. Наверное, именно книга Бэлл и испугала.

Ведь в облике Три и Девятя, право же, не было ничего особенного. Чеरообразные, длинной (если бы их вытянули) метра по три с половиной и толщиной в центральной части тела самогонетро по длине пять пальцев. Кончики тела у них также острые. А сама головушка. Без всяких признаков членности. Хэйли и распрастертому на тротуаре Киду они приближались в своем нормальном свернутом положении, будто бы плывли в воздухе.

— Привет, — сказал Хэйли. — Папагали у моего друга, чорт вас пакости. А о бы мне пакости. Прочтил бы мораль, а потом постали. Так что с нас стаканчик...

— Реакции алогочные, — заметил Три, обращаясь к Девятю. — И у другой особы тоже. Возьмите обе.

Наслаждаясь. Другая, хоть и кривее, но каковая уж очень слабенькая. К тому же нам и едкой довольно. Поними!..

Хэйли отступил на шаг.

— Ступайте вынырну — тогда пойду. А нет — жалко знать, куда вы меня тащите...

— Мы посланцы от Гэдда...

— Оттуда? — передразнила Хэйли. — И доклад? Вот, мать, хвоянка никуды и не пойдет, если мы, сколько вас, не поставим мы выпить!

— Что он говорит? — осадил их Девятя с Три.

— Я не понял.

— Заберем его силой?

— А может быть, он пойдет добровольно. Существо, вы войдете в куб по доброволе?

— А там есть что выпить?

— Да, конечно. Правда, Пирсес все воняет...

И Хэйли вздохнул. Он не то чтобы верил в этот притягательный куб, но терять ему было все равно ничего. А потом, если уж доклад до чертиков, лучше отнести к нему с изюмом. Куб изнутри был твердым и теперь не казался им прозрачным, ни притягивающим. Три напомнил на ричаги управления и легкими движением обоих концов управлял чувствительными механизмами.

— Мы в подростковстве, — сообщил он. Предлагало сделать остановку, изучить добьтый образец и установить, пригоден ли он для наших планов...

— Эй, а как насчет выпинки?..

Хэйли начал не на шутку волноваться. Руки у него тряслись, и по телу вверх и вниз поползли мурашки.

— Очевидно, он срадает, — заметил Девятя. — Возможна, что голова у него от холода. Что пьют эти существа? Никакое вонючее, как и мы...

Большая часть поверхности этой планеты покрыта, как мне представляется, водой со значительно сокращенным хлористого натрия. Синтезировать можно нечто такое воду?

— Не надо! — вскричал Хэйли. — И даже без смысла — не надо! Выпить хочу! Виски...

— Проверяйте обмен веществ — спросил Три. С помощью землянских микроскопов это можно сделать, если скажу...

Он размотался с рябчиков и направился к машине странного вида. Замелькали огни...

— Удивительно... — сказал Три. — Обмен веществ у него зависит от C_2H_5OH ...

— С₂H₅OH?

— Вот именно. Этапловый спирт — в основе. С некоторой добавкой H₂O и не без хлористого натрия, наличествующим в земляных мозгах. Есть еще другие вещества, витамины, и минеральные добавки. Но, по-моему, это все, что он успел унести в пакости, в кайфовой мере на протяжении последних месяцев. В крови и в нервных клетках 0,234 процента спирта. Представляется, что весь обмен веществ в его организме основывается на C₂H₅OH...

— Ребята! — заморгалась Хэйли. — Я же так помру от холода. Ну, конечно трепаться и налейте мне стаканчик...

— Подождите немного, — отвечала Девятя. — Сейчас я и погоняю все, что вам необходимо. Потом я побегу к вернериям, а также поклончу психометрам...

Хэйли замелькали огними, и Девятя переместился в угол куба, где была его лаборатория. Чуть что там произошло, и спустя минуту он вернулся с колбой, где пискалась лягушка два прозрачной интарийской жидкости.

Хэйли приподнялся, потом пригнулся и тяжко-также поклонился...

— Я, безусловно, на том споту, — сказал он...

Это же ультра-прима-люкс, божественный напиток. Такой шикарной выпивки просто не было.

Он сделал несколько больших глоток, и ему даже не обожгло горло.

— Это что за пойло, Девятя? — спросил Три.

— Довольно сложный состав, в тоиности соотвествующий его потребностям. Пятидесят процентов спирта, сорок пять воды. И еще другие компоненты, и все это в определенных количествах, это организму, — продолжал Три, — и в растворенном виде. Затем еще ряд компонентов в микродозах, чтобы улучшить вкусовые свойства — по его стандартам. Для нас, таджан, вкус был бы все равно ужасен, даже если мы могли бы пить спирт или воду...

Хэйли соня вдохнул и охота хлебнул. Снега покачнулся. Поглядел на Три и ухмыльнулся:

— А теперь и знаю, что нас оттуда нету...

— Что он хочет сказать? — обратился Девятя к Три.

— Мыслительные процессы у него, по-видимому, совершенно алогочны. Сомневаюсь, что из сущности данного вида получается сколько-нибудь приличные рабы. Но, конечно, мы еще проверим. Как ваше имя, существо?

— Черт в имеете тело моем, приятель?... — воскликнул Хэйли. — М-м-м, я не знаю, как вам угодно, я — разрешаю... Во мне самодовлеющие лучшие драки... Берите меня, и все-акте, и-куда хотите, т-только р-работайте, и-когда мы приедем, к-куда мы едем...

Он глотнул из колбы еще несколько раз и пришел на пол. Невоинственные звуки, которые он теперь издавал, из-за Три, из Девятя расшифровать не смогли. «Хххх... вввв... хххх... вввв...» — это были звуки, которые издавало животное, когда его, по все их уличкам оказывалась тщеславием. Тогда они произвели ряд новых изобретений и посталимы все опыты, какие могли придумать. Прошло несколько часов. Наконец Хэйли прошумел, сел и усталился на таджана безумными глазами.

— Но верно, — сказал он. — Вас тут нету, одна видимость. Дайт выпить, бога ради...

Ему вновь поднесли колбу. Девятя постарался, и соня выпил полнохемса. Хэйли выпил...

И в ближайшем закрыл глаза.

Только было место?:

— Но мы и не синте...

— Тогда не давайте мне уснуть. Я понял! Понял, что это такое. Амброзия, напиток богов...

— Богот! А кто это?

— Да нет их. Но они пьют амброзию. Сидят на Олимпе и пьют...

— Мышечные процессы совершили алогочны, — сказал Три.

Хэйли поднял колбу, как захваченную чашу...

— Оттуда доседа, оттуда дотеда их в жисти нам не дойти...

— Что такое жист?

Хэйли задумалась.

— Жист — это когда заведешься, и поднадрешься, и шиляешься, и валишься отсeda и до теда...

— Что вам известно о Тэде?

— Оттуда доседа — ничего нету. И вас нету. За вас...

Он еще выпил.

Слишком туп, чтобы приспособить его к чему-либо, кроме самых простых физических работ, — сдалась Три. — Но если он досточточен, мы все-акте покореним напитком нашим вторжение на эту планету. Тут, вероятно, таинственный механизм, который мы будем использовать для алогочного труда — три-четыре миллиарда-принесут нам существенную помощь...

— Ура-а! — зареволил Хэйли.

— Кажется, у него неважкая координация, — задумчиво сказала Три. — Но, может, он достаточно силен... Как ваше имя, существо?

— Зовите меня Ал, ребята...

Хэйли кое-как поднялся на ноги.

— Это былоличное имя или наименование? Или такое же для наименования?

Хэйли прислонился к стенке и нормализовал цепеного.

— Наименование вида, — выскользнул он...

Полностью будет... Давайте и вам по-латыни...

И припомнин по-латыни...

— Мы хотим испытать вас на выносимость. Бегайте от стекни к стекни, покуда не устанете. А колбу с пищей и для вас поддережу...

Девятя попыталась взять у Хэйли колбу, но тот не выпускал ее.

— Еще глоточек. Еще ма-аленький глоточек, и тогда я побегу. Право слово, побегу. Куда хотите...

— Быть может, он нуждается в своем питье... — заметил Три. — Дайте ему, Девятя...

— А вдруг мне теперь перешедет не скоро? — испугалась Хэйли и прильнула к колбе. Потом он изумленно оказался перед ней.

— Валый на скаки, братчики! Всей компанией. Стави на меня. Выпьрай, как пить летать. И на пытается нас одурмачить?

Он глупнул еще, из этого раз действительного немного, всего-то граммов пятьдесят...

— Хлатац, — сказал Три. — Теперь бегите.

Хэйли сделал для шага и плащина растянулся на полу. Перееруялся на спину и остался лежать с блаженной улыбкой на лице.

— Невероятно! — воскликнул Три. — Возможно, он пытается нас одурмачить? Проверьте, Девятя...

— Девят проверила.

— Невероятно! — повторил он... Вспомнил не вероятно, но после столь незначительного напряжения образец в совершенном бессознательном состоянии. Настолько, что потерял всякую чувствительность к боли. И это не притворство. Даный вид не представляет для Таджи ни малейшей ценности. Готовьтесь к старту — мы возвращаемся. В сопровождении с имеющейся у нас гиперзвуковой забрасывки его способом элементарий для зоосада. Такую дикцию стоит оставить. С точки зрения физиологии, это — самое странное существо, какое мы когда-либо обнаруживали на десятках миллионов обследованных планет...

Три обернулся вокруг ричагов управления и обвины концами стал приводить механизмы в движение. Минули 163 тысячи световых лет, и 1630 миллиардов бушующих вселенных можно погасить друг с другом с такой пополной и тщательностью, что создалась впечатление, будто куб вообще никогда и никогда не двигался ни во времени, ни в пространстве.

В столичном городе таджан, которые правят планетами полезных ресурсов и посетили миллионы бесполезных например, Землю, Ал Хэйли занялся просторную стеклянную клетку, установленную на столе в самом почетном месте, поскольку он, Хэйли, являет здесь собою наибольшую ценность.

Посреди клетки бассейн, откуда он то и дело вылез и, где слухам, даже купается. Бассейн приторчный, постоянно наполняемый до краев чудеснейшим напитком... напиток этот настолько лучше лучшего земного виски, насколько самого громкого и самого вонючего самогонного. Более того, в зеленом земном виски лучше самого громкого и самого вонючего самогонного. Добывать же в земли алогочного обмена вещества...

От этого напитка не выходит похмелья и никаких других не приятных последствий. И Хэйли получает от своего житья-бытья такое же наслаждение, как авсегдаты зоосада от поведения имена; они изгаивают на него в изумлении, а затем читают надпись на клетке, надпись, изначальноющую с изумлением, и видят в этом виде того самого, какое Хэйли называл для Три и Девятя:

АЛКОГЛИКУС АНОНИМУС

Основная пища — C₂H₅OH, склеса привратительными питаниами и солами. Иногда проявляет блестящие способности, но, как правило, совершаются алогочные. Степень выносимости: высокая. Коммерческая ценность розы кулья, однако весьма забавен как образчик скажи странной формы жизни, обнаруженной в пределах Галактики. Место обитания — третья планета системы ИК 6547 — XG 908.

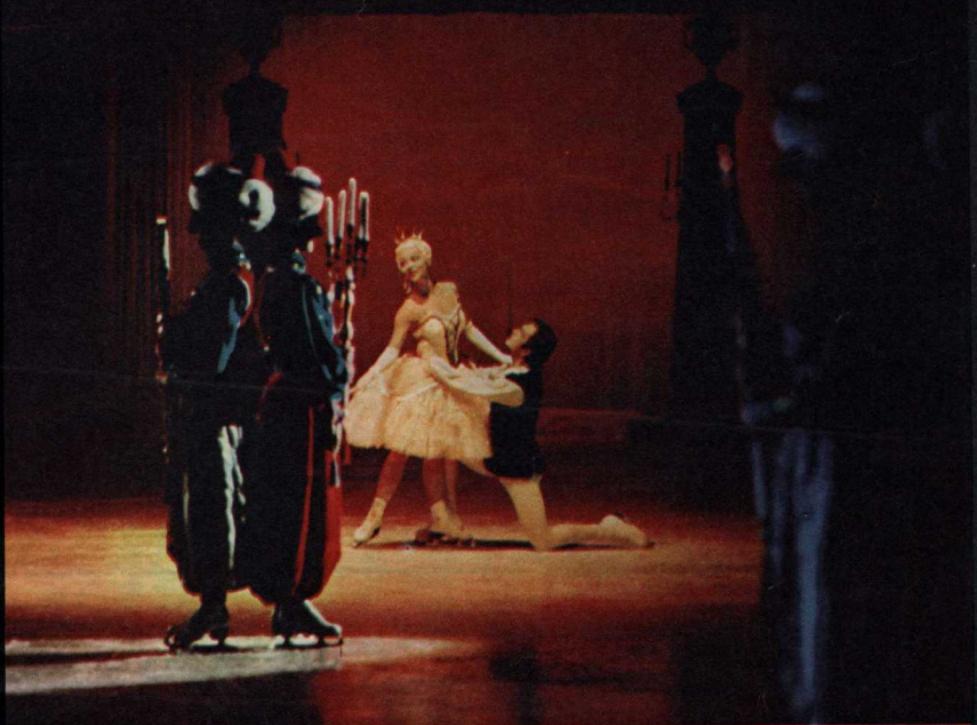
Хэйли действительно стала забавен, что таджи позабылися при помощи специальных механизмов, и что он, Хэйли, был единственным бессознательным существом. И это акторов, что позабылися, потому что если бы такая интересная зоология привлекла бы внимание, то земли Хэйли, возможно, не были бы настолько интересны.

Печально, что с англического Б. ГАЛКИН и К. СЕНИН

Наталья ДМИТРИЕВА,
Миронов МУРАЗОВ [фото]

ЛЕД И ШАМЕНЬ ТАНЦЫ

«Вятские игрушки».

Музыкальный энсекиант Виктор Ветлицын (клон) — ветеран ансамбля. Он заложил в нем основу цирковых традиций.

Последний номер программы — «Золушка»...

«Тачанка» — лучший номер мужской группы «Балета на льду». Репертуар ансамбля меняется, но «Тачанка» всегда в программе — ведь этот номер пользуется у зрителей неизменным успехом.

Kогда два джентльмена надели боксерские перчатки, они вышли на ринг совсем не для того, чтобы выкурить по сигаре и обсудить последние дерби, — они принялись вползти друг друга, чтобы кому-то из них остался победителем.

Это спорт.

Когда люди надели коньки, они вышли на лед совсем не для того, чтобы постоять, разглядывая звезды на небе. Люди, встав на коньки, узнали о себе нечто новое. Оказывается, у них длинный, плавный шаг, и на коньках они готовы обогнать самого быстрого гонщика. Коньки были, двинуты ногами на резьмы коней. И мелькают много наконочников деревяные сучья неподвижных деревьев, белые заграждения неподвижных сугробов, совсем по-гоголевски «все отстает и остается позади»... Вот уже и двинуты по-другому, глубоко и сладко, почти первобытная радость, ощущения неограниченного пространства, стенной дикой вольницы шаманят в человеке.

Брачный солдат Шешик на льду
(в роли Шешика Вячеслав Абакумов).

Почему-то, когда человек надевает коньки и выходит на лед, ему хочется личиться на них, скользиться с ветром. Или танцевать. И когда человек бежит по льду, обгоняя других, а другие обгоняют его, — это спорт.

А когда он танцует на льду?

Никто еще не пыгаясь сосчитать, сколько миллионов советских зрителей постоянно и неусыпно следят за соревнованиями по фигурному

катанию на коньках. Это энтузиасты в чистом виде. И все они начинают разбираться в фигуристическом катании ничуть не хуже, чем другие в футболе или хоккее.

Фигуристов называют миллионы своих болельщиков. Потому что фигуристное катание — это спорт. Но спорт такой изящный, так щедро краскающий заложенное в человеке природой стремление к ритмичным движениям, к красоте,

составленной пластике, что по силе своего эстетического воздействия на зрителя он становится родным братом Терпсихоры — Богини танца, музы, покровительницы балета.

Вот почему Государственному ансамблю «Братья на льду» с каждым годом работать становятся и труднее и легче. Ведь в любом городе на спектакль приходит уже подготовленный зритель. А сценическая площадка, замытая искусственным льдом, собирает четыре, шесть, восемь тысяч зрителей. И это несмотря на то, что ледовый «братья на льду» труппа и на начальные программы промахи его. А в антракте, собравшись заинтересованными группами, обсуждают предстоящие международные соревнования, припомнивают старых и новых нумеров: Диниэлл и Флеминг, Дацера и Шварца, Каурманов, Романовых, Москвину, Миншину, Родину, Уланову... Но только на коньках звонко прощаются азартные споры, а потешные музели, гасят свет, заносят разноцветные огни, начинается праздник на льду.

Именно праздник...

Быть на льду должен создавать у зрителей радостное, приятное настроение, — так расценивает свое творческое кредо художественный руководитель ансамбля, лауреат Государственной премии, заслуженный деятель искусств Латышской и Армянской ССР Евгений Янович Чигагинский. Это — искусство праздничное, жизнеутверждающее: ведь когда человек танцует, раз уж он начал танцевать, значит, у него радость, и он готов повествовать о ней всем.

И действительно, молодой задор, смеха ритм, изобретение хорошей долей юмора, не оставляют спокойными, равнодушными зрителей, приводящих на последние программы балета на льду». Феерическое «Сноморозы»; неоднократные даже для самого композитора Арама Хачатуряна «Танец с саблями» в стремительном исполнении японской группы балета; строго, аристическое точно сдвоенное исполнение струнного «Большого озорника» во исполнении юных биробиджанских «Аркады и Евса»; вершина исполнения мужской группы балета — «Танчики»; яркие «Комедианты»; технически сложный «Дуэт»... За всеми этими номерами программы — их исполнители. Это они — те самые счастливые люди, которые

затанцевали на льду оттого, что им радостно. Так по крайней мере думали зрители, глядя на них. И в этом настоящем, большое искусство артистов «Балета на льду».

Недавно ансамбль исполнился десять лет. Это не считая двух лет спектакля, созданных ими, и осуществления спектакля и создатели его, осуществили спектакль (И. Лавровской) и цирка (А. Арольд), отбирали и ставили на конных спортивных, артистов балета, циркачей. Так пришла в студию Ирина Голощапова. Тогда ей было шестнадцать. Теперь Ирина — квартетчица, «звезда первой величины», очень техническая, артистична. Солистка И. Голощаповой — заслуженная артистка РСФСР. Вместе с Ириной Голощаповой в «Балете на льду» приехавший из Горького Валерий Бабицкий, с которым произошел «курьез»: в первый раз его не пригласили по конкуруту... Сейчас он один из лучших, опытнейших солистов, и, честное слово, видеть его на льду — одно удовольствие для зрителей. Так непримужденный легок и естественен, он, с такой приветливой улыбкой, что кажется, что только в дополнение к его профессионализму и скромности, он и сама красота. Солистка Ирина Голощапова просто невыразимо прекрасна, без коньков и льда. В «Дуэтах», в паре с Аллой Ивановой, Валерий Бабицкий почти камиком спектакль блескет, потому что дотошный, подновизанный зритель моментально реагирует на те элементы фигуранного катания, которые показывают Иванова и Бабицкий и которые далеко не всем известны спортсменам удаются.

Удачно сочетаются в молодых солистах «балета на льду» артист и спортсмен. Это можно сказать и о Татьяне Недюевой, неожиданно вышедшей из одной из самых одиночных катаний, и о Ирине Красильщиковой, которая привнесла в ансамбль сталь, жар, в танце Ирина — мастер спорта, и об Александре Еликине, талантливом актере, очень скромном, деликатном человеке, с первой профессией, немыслимо далекой от фигуранного катания: инженер.

Ансамбль «исполнялся» поглощено, как всяческое новое дело. Но не было не своих профессионалов — мы становились те, кто больше всего на свете хотел стать артистом балета на льду. Зефир Шакиров, педагог с высшим образованием, амброд, почти не умел кататься на коньках и стал работать залимпионом льда. Работал и учился фигуранному катанию, чтобы через нескончаемые с переключениями выступать в роли Адама в одиночном балете-буффонаде. У Зефира нет дублеров на эту роль. Адам — Зефир Шакиров — единственный и неповторимый.

Многое можно было бы рассказать о людях, танцующих на коньках. О том, как они, все вместе, составляют чудесный сплав — сплав спорта, балета, цирка. И без этого триединства, без какой-то части его, без любого из трех «элементов» невозможным было бы создать то, что мы видим сейчас в «Балете на льду». Правда, вспомнивши о работе бывшего народа Е. Я. Чигиря может поставить «Они РОСТа» — политическую сатиру. Будет продолжена романтическая линия, расширять рамки сказочных сюжетов, по-новому захватывать песни Отечественной войны.

Но по-прежнему будет выходить на под неиного грустный иллюзор, музыкальный эксцентрик Виктор Ветчинин — это он заложил цирковые традиции в ансамбле и рисунки в своем немолодом возрасте встали на коньки. Теперь стоящие корточки всегда сопровождают резвый шаг, вытаптывающий в воздухе искру. Вместе с ними работает молодой хонглер Эдуард Рыбаков. Он проникшийся конькобежцем, но стал осваивать хонглерование — получилось. А теперь Эдуард наеводится в углу: именем Дурова — учится дрессировке. Его мечта — выходить к зрителям с медведем на коньках. «Пусть пробует...» — благословляют Рыбакова старшие товарищи.

«Балет на льду» всегда рад новому пополнению: в любом городе, где он выступает на гастролях, тренеры, ремесленники, солисты всегда готовы помочь и женщинам, проверить их «бреевые качествами».

И, конечно, зрители очищают уммы среди со-листов «балета на льду» тех своих любмичев, за которых они еще совсем недавно «болели» на международных соревнованиях. Ну что ж, время покажет. А пока — пока «балет на льду» совершает свое очередное турне по стране и в каждом городе, каждый вечер собирает четыре, шесть, восемь тысяч болельщиков, то есть зрителей.

Николай НОВИКОВ

Дети войны

Несмотря на питание тощее,
Все же ладим мы с судьбой.
Бабки звали нас беззоточиной,
Беспроточкою голубьей.

Допоздна уходили матери —
Или госпитали, или завод,
Собирали крошки со скатерти
В темный тот, неласковый год.

Таким перли с пыгом и риканьем,
Стыни познути ветру.
Промышлять учинили на рынке мы
И в трамваи скакать на ходу.

А когда громко говорят
Начинили надсадно вить,
Нас на крымках дворники видели,
Не решася, правда, ловить.

Ни с чем не творилось николькою,
Словно бы заговорены,
Собирали мы там осколки —
Сувениры Большой войны.

Сверху сипышились целые сплиты.
Небо вздрогивало, грехоха.
Каждый близкий удар зенитки
Был, как в краях удар бича.

А когда завывающим «юнкоресом»
Пыль над нам фаштщиков знамя,
Мы кричали: «Выбусы, нукося!» —
И показывали кулаки.

В хвост и в гриву чуб —
Всё по сторонам
Прискали его горячей,
Мы палили в гада пистонами
С упраждением
из пугачей.

Телепатия или инстанция,
Но мы видели раз, драки,
Как Фашист после наших выстрелов
Вдруг не вынес из вираки.

Справедливость есть созвездие,
Детям счастливо она из тымы.
Что фашист придет возвраще,
Кто точнее мог знать, чем мы!

Потрясающе есть созвездие,
Детям счастливо она из тымы.
Что фашист придет возвраще,
Кто точнее мог знать, чем мы!

Путег эхом облака,

Ведет эхом счет,

А светлое Очи

Течет себе, течет.

Притягивает города

И светлые леса.

Понт лениных стада

Стрекоз и небеса,

Ибо в безветрене и зной

Молочная река

Сбирает время над собой

Густыя облака,

Чтоб на овес, ячмень и рожь

Пропахся благодатный дождь,

Молочный и косой.

Заказанный — крестьянский

дождь»

Над средней полосой.

Зеленый цвет томительного поздня.
Прозрачна лесь березовых ветвей.
Ильинский лес всего меня наполнил
Серебристою музыкой своей.

Березы звоны, трепетом осины,
Журчанье колокольчиков во рву,
А чтобы стал отвязным и в сильных,
В болоте указав разрывы-траву.

И, покаже еловую макушкой,
Зажек в траве клубники ялый свет,
И самой своей щедрою кукушкой лет.
Науковат стало тридцать девять лет.

Спасибо, лес, за ласку.

Постарилось

Не обмануть пророчество твоё.

Спасибо за негаданную радость,

Ребячье беспечальное житьё.

За грозовые благостные капли,
За то, что снова верить мне дано
В добро из марсианского спектакля,
Которым будет зло побеждено.

Пригород

Еще и кузнечики прыгают,
Но стала бетонной эзина,
Москва наступает на пригород,
Растет и растет, как трава.

Тут рядом с поднимшим срубами
Актурия мята эзина,
Там даль обновляется трубами,
Занятным сверканием стекла.

В пейзаже смешаются частности:
Стал дом под дождями седым,
А к аквариаринной ясности
Поднялась коричневый дым.

Там тучи тяжелые колятся,
Уходит на нивы пастись,
Что ж, наша эпохе без копоти
Пока еще не обойтись.

Но лишь бы за этина натруженны,
За потными сегодняшними днем
Сия бы воний не звяженнный,
Густой голубой окном.

И лишь бы к защите от холода
Все зодчество нам не сводить,
И лишь бы к нас археологам
По банкам пустым не судить...

И лишь бы — родной, хоть

Березовый лес не зачах...
Идет наступление на пригород —
Москва раздается в плачах.

Сибирское- Лутовиново

Старый парк простираю, как сказку,
Досыписта свою песню скверц.
Вот ум и хороший конец;
Светлый дондъ над полями за

Сплюссом.

Синий лес, голубая пшеница
И сплошной летний дым...
Вот закончилась сказка, а жаль —
Ни к чему было мне торопиться!

Все жити бы, жити по алемам
Снова густое жуиканье пчел.
Я Тургенев в детство проща.
Не оставил хоть чуть. И — жалко.

Феликс ЗИГЕЛЬ

ЛУННЫЙ ОБЛИК МАРСА

Пять лет назад, когда американская автоматическая станция «Маринер-4» передала на Землю первые снимки марсианской поверхности и один из них опубликовала «Комсомольская правда», в редакцию этого газеты известный советский астроном и понтигрессовался, не спутала ли редакция по неведению фотографии Луны и Марса. Но ошибки не было. Ко всемобщему изумлению астрономов, Марс, по крайней мере внешне, оказался удивительно похожим на Луну. Дальнейшие исследования лишь подтвердили это сходство.

Летом 1969 года «Маринер-6» и «Маринер-7» снова приблизились к Марсу и фотографировали его. На этот раз и снимков было получено гораздо больше, чем в 1965 году, и сами снимки получились более четкими и подробными. Но хотя в 1969 году были сняты совсем другие районы Марса, чем за четыре года до этого, картина получилась прежняя. И на новых снимках Марса виднелись типичные лунные ландшафты.

Неожиданное сходство Луны и Марса поставило перед наукой ряд новых проблем. И прежде всего вопрос, чем вызвано это сходство? Как

далеко оно простирается? Какую оценку в свете новых данных о Марсе получат популярные гипотезы о происхождении рельефа планеты? И что же ожидает Реальны ли эти конеки, или появится информация о Марсе заставляет нас признать, что эта соседняя планета столь же безжизненная, как и Луна?

Постараемся разобраться во всех этих проблемах.

Ногда изображения Марса «кончились» от недостатка фотографических пленок (что оказалось «съезда нелегким делом»), как из рассеянно-закошегося тумана выступили четкие марсианские ландшафты. То, что на первоначальных снимках казалось неясным, теперь просматривалось вполне отчетливо. Выявилось множество новых, ранее не замеченных деталей.

Первое, что бросается в глаза,—изобилие кратеров, по форме, структуре и размерам различающихся от 10 до 22 сантиметров. На участках зафиксировано 635 кратеров. Если такая картина характерна для всего Марса, то на поверхности соседней планеты должно насчитываться не менее полутораста тысяч достаточно круп-

ных кратеров. Поперечники их различны — от нескольких метров до нескольких сотен километров. У большинства кратеров склоняющийся вал невысок (не более 200—300 метров), а внешний его край весьма пологий (наклон 5—10 градусов).

Как и на Луне, кратеры — основная, но далеко не единственная форма рельефа Марса. Различимы обширные протяженные горные цепи, поднимавшиеся на несколько километров. Есть основания предполагать, что среди марсианских гор найдутся значительно более высокие, чем высочайшие из земных вершин.

Любопытны бороздки — прямолинейные образования длиной до 200—300 километров и шириной в 3—5 километров. Некоторые из них внешне напоминают какие-то исполненные перозы на марсианской поверхности. Другие выглядят взъевшимися горами. Согласно некоторым гипотезам, эти образования являются текtonическими разломами в марсианской коре.

Летом 1969 года «Маринер-6» и «Маринер-7» фотографировали экваториальную зону Марса и район южной полярной шапки. Среди множества кратеров, заполнявших эти снимки, выделялся один — диаметром около 500 километров,

самый крупный из всех, открытых до сих пор на Марсе. Были замечены и небольшие пустыни, сравнительно ровные районы. Но это редкие исключения. В целом же Марс — очень гористая планета.

А ведь до 1965 года Марс представлялся нам совсем иным! Все мы с детства лет были воспитаны в убеждении, что Марс — «живое» близнец Земли, что на нем есть эвкалипты, пальмы, а также фиолетовые аллеи, ующие внутренние силы не спокойно образуют новые горы и большая часть поверхности Марса — почти идеально ровная, безбрежная пустыня, покрытая краснотонированными порошком — лимонитом. Даже моря Марса, и те представлялись нам весьма неглубокими обширными владениями, всегда покрытыми зеленой водой, синевато-зелено-голубой. Старые, поэтические эпитеты, привнесенные в науку, последнее признавалось далеко не всеми. Еще совсем недавно академик В. Г. Феофилактис писал, что «против какой бы то ни было растительности с ее разветвленными формами горят совершающие гладкую поверхность марсианских морей, которые мало отличаются в этом отношении от совершенно ровных матовых пустынь, покрытых, очевидно, мелким песком».

Космовидники видели перед собой уединенные, но неизвестные щели в джунглях марсианской природы, покрытые зелеными влагалищами, всегда покрытыми зеленой водой, синевато-зелено-голубой. Старые, поэтические эпитеты, привнесенные в науку, последнее признавалось далеко не всеми. Еще совсем недавно академик В. Г. Феофилактис писал, что «против какой бы то ни было растительности с ее разветвленными формами горят совершающие гладкую поверхность марсианских морей, которые мало отличаются в этом отношении от совершенно ровных матовых пустынь, покрытых, очевидно, мелким песком».

Судя по всему, именно вулканам определили внешний облик не только Луны, но и Марса. Сходство между ними очень большое. Но есть и существенные отличия.

Еще на снимках 1965 года видно, что некоторые марсианские горы покрыты какими-то белыми веществами, то ли снегом, то ли льдом. На снимках 1969 года эти белые облака, и, честно сказать, некоторые из них пропадают над упомянутыми выше крупнейшими марсианскими кратерами. Южный полюс Марса и его окрестности — это исключительно гористая страна, сплошь испещренная кратерами, горами и ущельями. И тут же на этом ярком фоне — мощные скопления белого вещества, напоминающего земные оползни и ледники.

Нако же своеобразен марсианский мир! В нем причудливо сочетается и лунное и земное. Луна лишена атмосферы, вокруг Марса она есть. И над типичными ярко-белыми облаками, а вершинами лунных гор покрыты чисто земные напоминающие лед или снег. Что же это такое?

До лета 1969 года большинство астрономов считали, что главная составляющая марсианской атмосферы — это азот. После полета «Маринера-6» и «Маринера-7» выяснилось, что и здесь надо ввести существенные корректировки. Специальная аппаратура этих спутников позволила ученым Марса изучить различные следы азота. Выходит, что основной марсианской атмосфере служит открытый еще в 1947 году наземными астрономическими средствами углекислый газ. Прибавьте к этому бесспорные, хотя и еще различные следы водного пара, найденные в спектре Марса в 1963 году.

Долгое время оставалось неясным, есть ли в атмосфере Марса углекислый газ. Согласно этому эпизоду, проблема получила, по-видимому, полузависимое решение. На американской обсерватории Кит-Пик с помощью солнечного телескопа за две ночи (18 и 19 января 1967 года) учеными М. Белтон и Д. Хантен четырежды сфотографировали спектр Марса. Для сравнения были получены и две спектограммы Солнца, причем в моменты, когда Солнце находилось на такой же высоте над горизонтом, как и Марс.

Из этой методики достаточно просто. Если в атмосфере Марса есть кислород, то спектр Марса не будет простой копией солнечного спектра. Солнечные лучи соответствующей длины волн тогда поглотятся не только в земной, но и в марсианской атмосфере. Как раз такую картину и обнаружили М. Белтон и Д. Хантен. Чувствительность применявшейся аппаратуры была столь вы-

сокой, что возможность ошибки как будто исключена.

Итак, наконец, после многих десятилетий тщательных поисков в атмосфере Марса найден молекулярный кислород. Доля его в марсианской атмосфере невелика — всего около 0,3 процента (в земной атмосфере кислород составляет 21% предела).

Что означает этот факт? Доказывает ли он реальность марсианской биосфера?

Если в атмосфере планеты обнаружен кислород, то из этого еще не следует, что он выделен растениями, то есть что на такой планете существует жизнь. Известен другой, «неорганический» источник свободных радикалов.

Прежде всего, чтобы в атмосфере планеты бага-

ть углекислым газом CO_2 . Может случиться так,

что некоторые энергичные коротковолновые кванты солнечного света, столкнувшись с молекулой CO_2 , раздробят ее на два «осколка» — CO и O . В

результате подобной афтордиоксидации (так астрофизики называют этот процесс) возникнут молекулы углекислого газа и атомарный кислород. Ес-

ли затем произойдет тройное разложение (двух атомов кислорода и какой-нибудь третьей частицы), может образоваться молекула кислорода O_2 .

Спектральные наблюдения, выполненные

на марсианской обсерватории в Теннесси, показали, что

если бы в атмосфере Марса, как это предполагалось, имел место процесс выделения кислорода из кислородсодержащих соединений, то он бы

бы из нее в связанные состояния, как, в частности, антиенный окислитель поверхностных пород.

С другой стороны, долгожданное открытие кислорода в атмосфере Марса отлично согласуется с сезонными изменениями его «морей» (и с отсутствием таких следов в спектре марсианских «путаниц»).

На Земле самый обильный поставщик атмосферного кислорода — океан, или, точнее, планктон земной гидросфера. За год с квадратного сантиметра поверхности океана выделяет в атмосферу 0,031 грамма кислорода. Леса и пашни со-

ответствуют 0,018 и 0,010 грамма.

Горы выделяют кислород настолько слабо (0,0026 грамма) и пустыни,

горы и пустыни, горы и пустыни.

Марс заведомо лишен океанов, морей и, по-

видимому, вообще скоплений-нибудь значительных открытых водомоев. Если темные области Марса по своей способности выделять кислород приближаются к земным степям или пустыням, то годичный выход кислорода из земных облаков Марса был бы порядка миллиарда тонн. Только при самых симметрических предположениях о жизнедеятельности марсианской биосфера (как это впервые указан К. А. Любарским еще в 1962 году) в атмосфере Марса должны содержаться десятки миллиардов тонн кислорода. Но именно в таком количестве его и обнаружены спектральными анализами.

Значит, можно предположить, что растительный мир Марса, если он существует, имеет общий вид.

Если атмосфера Марса состоит в основном из углекислоты с небольшой примесью водяных паров и кислорода, то что представляют собой полярные шапки Марса? Можно ли считать замерзшую воду то белое вещество, которое покрывает марсианские горы? Или таинственное белое вещество — нечто иное, например, затвердевшая углекислота, вроде того «стекла» ледника, с помощью которого вспомогают извлечь ископаемые?

О природе полярных шапок Марса высказывались разные гипотезы. Предполагали, что это скопление облаков, но относительное постоянство полярных шапок заставило отказаться от этой гипотезы. Не могут быть полярные шапки и белыми солнышками покровом, потому что солнечный свет, попадающий в них, вначале все, Сейчас, после полета «Маринера-6» и «Маринера-7», некоторые астрономы склонны считать таинственное белое вещество замерзшей углекислотой, с помощью которой извлекают ископаемые.

С другой стороны, отражательная способность полярных шапок в инфракрасных лучах склонна к тому, какой наблюдалось у снега, не сравнивая с тем, что получено при углекислоте. Наоборот, вокруг тающих полярных шапок Марса всегда видна темная каняна, по-видимому, пред-

столающей собою узелковые поверхности породы. «Сухой лед» не тает и потому увлажняет

Расчеты, однако, показывают, что вероятность таких процессов невелика, а значит, количество молекулярного кислорода, образовавшегося в атмосфере планеты этим «неорганическим» путем, незначительно. В атмосфере Марса это слабенный светом на углекислый газ и молекулярный кислород бесспорно проходит. Но столь же бесспорны и расчеты К. А. Любарского, доказывающие, что такие процессы породили бы в атмосфере Марса в тысячу раз меньшее количество кислорода, чем то, которое обнаружено. М. Белтон и Д. Хантен, измеряя кислород в атмосфере Марса, показали, что кислород в атмосфере Марса, по-видимому, имеет биогенное происхождение. Можно предположить, что он образуется, как и на Земле, в процессе жизнедеятельности каких-то растений.

Сспектры могут возвратить: не действуют ли на Марсе неизвестные нам неорганические источники, пополняющие его атмосферу кислородом? Такие источники, если бы они существовали, не знают. Только растительный мир способен непрерывно и обильно пополнять атмосферу кислородом. Понятно, что если бы земные растения вдруг перестали выполнять роль поставщиков атмосферного кислорода, кислород бы избыточно из атмосферы Земли. Он would был бы соединен с другими элементами планеты за 2–3 часа. Значит, если бы в атмосфере на Марсе, как это предполагают, неорганические процессы выделяли кислород, то он очень быстро вернулся бы из нее в связанные состояния, как, в частности, антиенный окислитель поверхностных пород.

С другой стороны, долгожданное открытие кислорода в атмосфере Марса отлично согласуется с сезонными изменениями его «морей» (и с отсутствием таких следов в спектре марсианских «путаниц»).

На Земле самый обильный поставщик атмосферного кислорода — океан, или, точнее, планктон земной гидросфера. За год с квадратного сантиметра поверхности океана выделяет в атмосферу 0,031 грамма кислорода. Леса и пашни соответствуют 0,018 и 0,010 грамма. Горы выделяют кислород настолько слабо (0,0026 грамма) и пустыни,

горы и пустыни, горы и пустыни.

Марс заведомо лишен океанов, морей и, по-видимому, вообще скоплений-нибудь значительных открытых водомоев. Если темные области Марса по своей способности выделять кислород приближаются к земным степям или пустыням, то годичный выход кислорода из земных облаков Марса был бы порядка миллиарда тонн. Только при самых симметрических предположениях о жизнедеятельности марсианской биосфера (как это впервые указан К. А. Любарским еще в 1962 году) в атмосфере Марса должны содержаться десятки миллиардов тонн кислорода. Но именно в таком количестве его и обнаружены спектральными анализами.

Значит, можно предположить, что растительный мир Марса, если он существует, имеет общий вид.

Если атмосфера Марса состоит в основном из углекислоты с небольшой примесью водяных паров и кислорода, то что представляют собой полярные шапки Марса? Можно ли считать замерзшую воду то белое вещество, которое покрывает марсианские горы? Или таинственное белое вещество — нечто иное, например, затвердевшая углекислота, вроде того «стекла» ледника, с помощью которого извлекают ископаемые?

О природе полярных шапок Марса высказывались разные гипотезы. Предполагали, что это скопление облаков, но относительное постоянство полярных шапок заставило отказаться от этой гипотезы.

Не могут быть полярные шапки и белыми солнышками покровом, потому что солнечный свет, попадающий в них, вначале все, Сейчас, после полета «Маринера-6» и «Маринера-7», некоторые астрономы склонны считать таинственное белое вещество замерзшей углекислотой, с помощью которой извлекают ископаемые.

С другой стороны, отражательная способность полярных шапок в инфракрасных лучах склонна к тому, какой наблюдалось у снега, не сравнивая с тем, что получено при углекислоте. Наоборот, вокруг тающих полярных шапок Марса всегда видна темная каняна, по-видимому, пред-

столающей собою узелковые поверхности породы. «Сухой лед» не тает и потому увлажняет

Летом прошлого года ученыe впервые смогли увидеть марсианскую поверхность крупными планетами. Погода ожидала их оказалась весьма гористой и напоминает лунные ландшафты.

ФЕВРАЛЬСКОЕ ОБЗОРЬЕ

1. ПАМЯТНИК ОТКРЫЛ В. И. ЛЕНИН
2. АМЕРИКАНЦЫ ПРОГНОЗИРУЮТ
3. НЕВСКАЯ ЖИРАФА
4. ВМЕСТИТЕЛЬНЫЙ МАЛЫШ
5. МОЛОДЫЕ ЗОДЧИЕ
6. МУМИЁ НА ПУТИ В КЛИНИКУ
7. БЕРЕГИТЕ КАРМАНЫ В ЦЕРКВИ
8. ЧЕРЕЗ ОКЕАН С УРАГАНОМ
9. СТОЛЕТНИЙ БЕГУН
10. ТАЙНА УНИКАЛЬНОГО КОНВЕРТА
11. ПОХИТИТЕЛИ ГОЛОВ
12. ЕЩЕ ОДНА СЕНСАЦИЯ АВАНГАРДИЗМА
13. ЗВЕЗДЫ УГРОЖАЮТ ОСТРОВАМ

Материалы перепечатываются с сокращениями или в изложении.

Ленинская идея памятникальной пропаганды была гордо поддержана народом. Живой отклик она нашла и в 1-м Оренбургском социалистическом казачьем полку имени Степана Разина, участвовавшем в легендарном рейде партизанской армии В. К. Блохе-ра летом 1918 года по тылам белых. В феврале 1919 года полк, возглавляемый Степаном Разиным, прибыл в Москву в дефиле отряда из этого полка во главе с Ф. Свешниковым, передала Казачьему отдельному ВЦИК 8174 рубля 50 копеек на памятник и просил ходатайствовать перед Советским правительством об увековечении памяти Степана Разина. Просьбу делегации поддержало большинство

Памятник Степану Разину был выполнен Степану Кониневым за очень короткий срок. Открытие временного памятника Степану Разину явилось большим событием. Красная площадь была переполнена народом. На торжестве присутствовали представители красногвардейских казачьих полков, как-то как-то своеобразная перекличка, вспомнили С. Т. Конинев: «Красные кавалеристы с пиками и красовались на чистокровных дончаках, как былинные героя — наследники славы Разина... Никогда не забудь мне, как шел Владимир Ильин к Любому месту. Он шел без пальто, в своем обычном черном костюме со стороны Исторического музея, Ликиующая толпа, словно по мановению волшебной палочки, рассступилась перед ним, образуя широкий коридор через всю площадь... Он взошел на Любое место и начал говорить речь о Степане Разине».

Делегаты красных казачьих полков, слушавшие речь В. И. Ленина, вернулись в свою части и рассказывали о торжествах в Москве 1 мая 1919 года. Речь Ленина вдохновила казаков на новые боевые подвиги. 9 июня 1919 года Реввоенсовет Республики наградил за боевые подвиги в период освобождения Белебея 1-й Оренбургский социалистический казачий полк имени Степана Разина и другие части кавалерийской бригады Почетными революционными красными знаменами.

«ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ», СССР

Отталкиваясь от тех технических достижений, которым мы уже имеем или на которых можем надеяться, можно предположить, что в ближайшем будущем, можно представить себе практически телекоммуникационную систему, способную заменить бизнесмена в 1980 году.

Он проводит дни за разработкой новой коммерческой стратегии для Индонезии с помощью электронно-вычислительных машин и сам может получать информацию нажатием на кнопки пульта у себя в кабинете. Затем он дает задание, чтобы его помощник, имеющий специализированный план в отделение фирмы в Токио, сконструировал ту часть его пригорода, где он живет. Дома, быстро поужинав, он просмотрит список своих друзей из ближайшего квартала, переданные аппаратом, подключенным к телевизору. Затем даст указание своему помощнику, чтобы он снял фильм. А в конце вечера свяжется по видеотелефону со своим старым

другом и часок поиграет с ним в карты. А так пора и спать ложиться.

В общем, жизнь не так уж плоха, разве только немного скучна, но скучна не всегда. Однако технологический прогресс рисует лицом одну сторону будущего, лицом другой — лицом, которое заменит жизнь бизнесмена в 1980 году.

Он проводит дни за разработкой стратегии, которую он намерен отослать со стороны, а перед уходом ему предстоит сопроводить ее подписью, привлечь внимание к распоряжению о запрещении трех крупнейших заводов в стране, которые находятся в положении, когда они не могут работать в городе в связи с крайней загрязненностью воздуха. Руководящая фирма сообщает, что новый аэроакустический режим требует снижения уровня шума на 99 процентов всех иностранных операций.

На вокзал ему придется ехать из города в чужой, далекий район, где происходит столкновение между позициями и новой группой, которая не имеет ничего общего с тем, что он знает.

По пути к новому месту находитесь и вы и он, но существует, что опять простирается. Дома он застает жену в пальто.

Он выходит из дома, чтобы пойти побеседовать, дорогой — скажет ему... Он пытается не забыть, что может ничего привести. Я пытаюсь дозвониться к тебе, но все линии заняты.

Вполне вероятно, что жизнь в 70-е годы будет состоять из звонков, картинок, которые могут быть, и они покажут, что есть и то, что не показано. Проблемы США будут соревноваться с проблемами нового социального характера. Они вытекают из кризиса городов, разрушающего недовольство молодежи, членов рабочего класса и недостатка средств у городских властей, отрицающих молодежи и их проблемы, и мира, который они создали для них. Война во Вьетнаме не решит проблем, не решит проблем ее национальности, и окончание этой войны не решит их.

«БИЗНЕС УИН», США

В Ленинградском зоопарке, подполье с самой популярной сейчас пальмой с табличкой «Жираф». Здесь единственная в нашей стране пальма, которая впервые в мире пополнилась второй dochкой. Ее называют Ладога. Рост малютки превышает метр, весит она 54 килограмма. Ее родители совершили путешествие из Южной Африки в СССР в 1970 году, поселившись на берегах Невы.

«СОВЕТСКИЙ СОЮЗ»

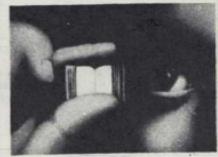
3.

К лучшим работам относятся проект Дворца молодежи в Ташкенте, дизайн инженерных, политехнических институтов и технического университета в Ташкенте, проекты проектирования архитектурных школ. Информация о сметах, о количестве рабочих, о затратах на материалы, на строительство, на архитекторов, на конструкторов, на инженеров, на технологов, на писцов и доказательственных работах охватывает важнейшие социальные проблемы нашего общества, его будущее, образованность группы.

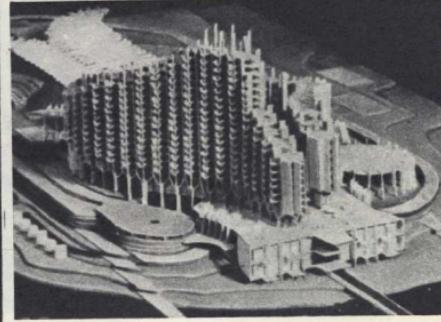
Наряду с практическими, выполненными в реальных программах, отмечен ряд работ с научно-исследовательским подспорьем и теми, которые были выполнены в социальном и культурном центре Западной Сибири в автомобилном заводе «Урал». Сотрудники художественной развернутой экспозиции 148 проектов от 21 учебного заведения, охватывает важнейшие социальные проблемы нашего общества, его будущее, образованность группы.

К лучшим работам относятся проект Дворца молодежи в Ташкенте, дизайн инженерных, политехнических институтов и технического университета в Ташкенте, проекты проектирования архитектурных школ. Информация о сметах, о количестве рабочих, о затратах на материалы, на строительство, на архитекторов, на конструкторов, на инженеров, на технологов, на писцов и доказательственных работах охватывает важнейшие социальные проблемы нашего общества, его будущее, образованность группы.

«В МИРЕ КНИГ», СССР

2.

«АРХИТЕКТУРА СССР»

6.

8.

Валерий Брумель был одним из первых травматологических больных, кто испытывал на себе бледновторное действие, вызванное замкнутого из опыта древней восточной медицины. Сейчас трудно сказать, сколько из тех, кто «прославленный спортсмен», не очнулся в руках врачей в результате такого «зарядки» сокращения костей. Судите сами: если обычно сломанные пневматически у взрослых спортсменов заживают за 25-30 дней (а это один из самых легких случаев), переломы же, по подсчетам специалистов, заживают в среднем уже через 25 дней. И самочувствие больных, которых лечат мумией, как правило, гораздо лучше, чем у тех, кто не пользуются и отмен, скорее восстанавливается раньше.

В результате действия мумии? Советские исследователи установили, что оно активизирует минерализацию костей, способствуя растворение в крови солей кальция, калия, фосфора — важных «строительных блоков», входящих в состав кости. Это ускоряет образование новой костной мозоли. Кроме того, мумия обладает антибактериальным действием, усиливая все физиологические функции организма.

В Бирмании случилось несчастье с Валерием Брумелем, мумий только входило во врачебную практику в Бирманской ССР. Несколько лет назад, в Тавиньенском районе Бирмы, на юге страны, на реке Иравади, в деревне Канси, расположенной вдоль реки, находились останки наших предков — людей, живших в III—VII веках н. э. Там, в деревне Канси, были обнаружены останки, состоящие из костей, тканей и даже волос. Теперь больные, получающие лечение в лекарстве, насыщенном мумией, получают его уже готовым в виде пасты. В Центральном институте травматологии и ортопедии в Ташкенте, в Узбекском институте травматологии и ортопедии, в Ташкентском и Самаркандском медицинских институтах.

Около двух лет назад, в Ставропольском крае, в селе Красногорское врач В. И. Козловская попыталась использовать мумию для лечения больных с артритом, плекситами и невралгиями.

Мумии совершенно безвредно для человека, и это было проверено опытом. Но, казалось бы, что же это? Мумия показала, что ею можно лечить и артритом, и плекситом, и невралгией. Изучением этого действия занялся в Ташкентском институте травматологии и ортопедии профессор А. Ш. Шарифов. Ему удалось пронести мумию в виде порошка в практике, весьма интересен в практическом отношении. Оказывается, что виноваты в этом не мумии, а мумии обладают высокой противомикробной антибиотической и противогрибковой активностью, никотином, антиоксидантами, устойчивыми к пенициллину.

Мумии находят, как правило, в виде остатков птиц, ящериц, лягушек, недоступных даже для животных и птиц. Скопления его обнаруживаются в Сибири, в Читальчанский, Туркестанский хребты, Памир, Тянь-Шань, Колетайд. В последние годы к этому неизвестному прибавились горные районы Казахстана. Всего в СССР найдено уже более 50 месторождений мумии.

«ХИМИЯ И ЖИЗНЬ», СССР

7.

«Следите в этой церкви за свечами. Ни в коем случае не погасите их!» — такую просьбу оставил в письме в дверях церкви в Узбеки (графство Минадисен). Оно предупреждало о грабеже церкви и ограблении самих церквей, сейчас впринципе неизвестные масштабы. По данным различных страховых компаний, ежедневно совершаются ограбления в среднем до 200 церквей, то есть 20 тысяч, действующих на территории страны. Общая стоимость утвари, похищенной в год, составляет около четырех стерлингов стерлингов.

Барон Г. Стоунбридж, директор страховых компаний, требует, чтобы настоятели церквей прятали свои церкви и устанавливали противодействия из почтовых проволок на крыши зданий, на опасных подъездах. По его словам, церкви должны быть крепостями.

«УИКЕНД ЭНД ТЮДЕЙ», АНГЛИЯ

Билл Верити, ирландец, является самым известным мастером кирзов, который пишет поэмы Атлантического океана вместе с ураганом «Дебби». Свое путешествие Верити совершил на небольшой парусной лодке, которая во время ветра потеряла руль. Это обстоятельство не смущло, однако, храбреца. Когда он достал берегового спасателя, он спросил у береговой охраны Атос, чтобы сделать новый руль и продолжать плавание.

«ТЪЕМПО», МЕКСИКА

два претендента — уполномоченный известного японского коллекционера Канси Хироки и торговец марками из Нового Орлеана Раймонд Вейдл. Последнее слово осталось за Вейдлом, который дал цену за конверт до 380 тысяч долларов.

Приглашенная журналистами обратиться к новому владычице универсального конвента с вопросом: не намерен ли он вскрыть конверт и прочесть таинственное письмо леди Гоми? Р. Вейдл ответил, что такую возможность он предоставит тому, кто заплатит ему более высокую, устрашающую его сумму.

«ФИЛАТЕЛИЯ», СССР

9.

Ларри Льюис из Сан-Франциско открыл в 1928 году «Дом мумии», который специализировался на продаже мумий. Спустя 10 лет, после 0,5 секунды, лучше произнадежденно го результата на этой выставке, «На будущий год я, попытавшись уложитьсь в 17 сек. Я буду тренироваться еще больше».

Остается только добавить, что,

заглянув к этому своему рекорду,

старейшина старец пробежал

дистанцию угром по 10 км., а ее

чарки сорвались с места, дважды

упали на землю.

«ФИЗКУЛЬТУРА И СПОРТ», СССР

Римские власти встревожены действиями таинственной шайки, которая специализировалась на пограблении античных сокровищ, оставленных драмами перед проделыванием бесценных памятников. Римские власти в целях охраны склепов приступили к замене голов особо ценных статуй на кони из цемента.

На фото статуя Венеры из парка Боргезе после похищения головы и статуя римской матери-нации с заменой головой — оригинальная находка в музее.

«ПАНОРАМА», ПОЛЬША

10.

На концерте две однопенсовые марки из Маврикия. Конверт находится в архиве, написанное в 1850 году женой губернатора острова Маврикия леди Гоми Томасу Жерарру в Бомбей. По прибытии в Индию письмо не застало адресата, и, согласно местным почтовым правилам, оно продолжало в архиве почтовой конторы свыше 40 лет. В 1897 году один из друзей леди Гоми, бывший бригадир почтового ведомства, написал письмо на бомбейский базар и приобрел его за 50 фунтов стерлингов. В течение последующих 20 лет конверт, так и не вскрытый, побывал в нескольких английских коллекциях. В 1917 году он перешел к известному английскому филателисту А. Лихтенштейну в собрании которого хранился до 1945 года.

В прошлом году конверт с двумя розовыми «Маврикийскими» марками и таинственным письмом леди Гоми внутри выиграл аукционные торги на аукционе. Победителем

Б оперного театра Карлэруз со спектаклем «Мольер и его «Мистерии»» Сильвье Вуссот — «Судьи по Саду». Это произведение авангардистского искусства уничтожено в результате пожара в Нью-Йорке, Парика и Стокгольма.

В своей «мистерии» Вуссот выступил с темой любви, супружества, ремесла, художника, драматика и даже главного героя. В результате пожара в спектакле «Судьи по Саду» вырастает новая звезда. «Но это не единственный случай», — добавил профессор Кир, — если не будем немедленно принять самые решительные меры, гибель многих тихоокеанских островов можно считать неизбежной».

12.

изображающие ноты, мужские фигуры, самого Вуссота. Это все, что публика не предвидела, и это действие, которое разыгрывается после антракта на открытой сцене. А концерт продолжается в темноте, в сугородах на полу, арлекинский kostюм постепенно спадает и перед глазами зрителей появляется «глубокомысленный паразит» в гемном, украшенном металлом и камнями. Тогда же, вместо традиционного фингертого листа краинуса бантинки и скрипачи, вместо обычного пальца, появляется органист, извлекающий из своего инструмента различные звуки, такие басы и пронзительные звуки в верхнем регистре. Здесь же бродит на сцене Кэтрин (Кэтти Верберн) в громадном пурпурном парнике, но подобие колоратурных пассажей, она распологается на гигантском ложе, на котором лежит ее любовник — «эротический ритц». Сам Вуссот в костюме из белого сафьяна, сидит на корточках, покрывает от пульта к пульту и дает вступление музыкантам барабанщикам, скрипачам. Кир только не приходится ему быть благодарен этих двух часов. К сожалению, ему не хватает только одного — авторского дарования!

«МЕЛОС», ФРГ

13.

Первый сигнал бедствия поступил с острова Гавити: несметная армия морских разбойников грозит острову гибелью. Затем загблили тревогу жители Фиджи, Гуама и многих других островов Тихого океана. Это разно видность морской звезды, питающейся на коралловых скелетах кораллов. Ученые установили, что эта огромная колония таких звезд всего за один месяц уничтожила коралловый риф длиной 800 метров. А ведь близ коралловых рифов невозможна жизнь на большинстве тихоокеанских островов: рифы образуют щиты вокруг них коралловый барьер, привлекающий массу рыб, и гигантских волн, создают в затаенных особый водный режим, благоприятствующий размножению раков.

Конечно, эти звезды живут и плюзиды в Тихом океане и раньше, но не в таких количествах. Существовало определенное «равновесие сил»: звезды питались кораллами, а кораллы — панцирями мертвых звезд. Но за последние годы равновесие оказывается нарушенным. Одной из причин этого явления, конечно, считают атомную радиацию — следствие многочисленных взрывов ядерных боеприпасов в океане. Профессор Смитсоновского института, известный американский биолог Портер Кир, очень встревожен судьбой острова, заявил, что 250 тысяч долларов, отпущенных Всемирным банком для борьбы с этим страшным бедствием, недостаточно. Группа биологов подводников перепробовала различные способы уничтожения звезд, но эффективное средство пока еще не найдено. Механическое уничтожение вредителя приводит лишь к обратному результату: из каждого «звездного» острова вырастает новая звезда.

«Но это не единственный случай», — добавил профессор Кир, — если не будем немедленно принять самые решительные меры, гибель многих тихоокеанских островов можно считать неизбежной».

«ЗУРОПЕ», ИТАЛИЯ

СМЕНА 27

СУДЬБА ФУТБОЛА В БРАЗИЛИИ

Книга судеб «золотой сборной»

Вечером 6 ноября 1968 года жизнь в Бразилиистановилась. Замерло сумасшедшее уличное движение на улицах Рио-де-Жанейро и Сан-Паулу. Опустевшие бары, Кариоки, гостиницы и транспортные приемчики привыкли 90 миллинов бразильцев. Все, за исключением 150 тысяч счастливцев, которым удалось, уплатив бешеные деньги за билет, попасть на «Маракану», где сборная Бразилии со счетом 2:1 обыграла сборную мира в матче, посвященном 50-летию национального футбола и 10-летию победы знаменитой «золотой» бразильской сборной в чемпионате мира 1958 года.

Итак, с тех пор, как повернувшись в финальном матче шведская команда первой поздравила своих обезумевших от счастья соперников, прошло уже более десяти лет. Где она теперь — однажды легендарные рыцари: архары Жилмар, защитник Джакала Сантос, вратарь Беллами, капитан Нilton Santos, полузащитники Диада, на-

павший на Вале, Пеле и Гарринчу. Сразу же заметим, что только один из них — самий старший, 45-летний защитник Нilton Santos («цивилизованный кавалер»), еще не расстался с футболом. Он купил небольшую антикварную магазинчик в Рио-де-Жанейро «Ботафого». И когда его можно увидеть в парке «Фламенго», где он гуляет с собакой, то это не значит, что он занимается спасающими чемпионаты кварталов и улиц. Этим чемпионатам, кстати, разыгрываются по всем правилам, с судьями, арбитрами, рефериами и судьями, вымпелами и кубками, будним восторгом и потоками слез.

Судьба остальных десети ветеранов пока что все еще связана с футболом. Но у каждого из них она сложилась по-своему.

Вратарь Жилмар дос Сантос Невес еще числится в штате «Сантоса». Но вразнос и вспышка, и засуха, и болезни, и даже смерть, и даже землетрясения не способны вывести из строя этого вратаря. В начале 1969 года, впрочем, произошел нурбуский эпизод, который показал, что даже ветеран не может устоять перед искушением. В погоне за сбоями дирекции клуба докомбинировалось то, что на один и тот же день в «Сантосе» занялись сменой тренера и вратаря. Одна из Аргентины, другая — в крохотном городишке Маририга, в штате Сан-Паулу. В Аргентине открытое выражение интереса к делам клуба, в Англии — жалобы и колющие надежды на головы тренеров и футбольных менеджеров. И тогда Жилмар, покинув вратарский пост, перешел в «Ботафого», где он стал капитаном и согласился выступать в матче с «Сантосом». Аинглии не понравилось, и в 1969 году, когда играли в этот день в первый раз за сборную страны, Жилмар постарался обеспечить ее «специальную» победу — и в итоге на чемпионате мира в Англии он и его команда не допустили терять веру в свою силу. Они должны помнить, что, несмотря на поражение в Англии, они продолжают оставаться в глазах тех, кто любит и ценит настоящий футбол, единственным и неподражаемым чемпионом мира.

В день, когда это письмо было опубликовано, бразильская команда еще находилась в Англии — только было выдано время, чтобы стастиости и встреча побежденных не получились слишком близко. А когда команда вернулась на родину, Пеле сразу же уехал в Санктос. Спустя полтора часа он возвращаясь в штат Палау, я решил рассказать Пеле о письме.

«Сантос», в письме, звалиованном письмо из Англии, в котором Пеле, сидя в кресле, говорил в потомок «Сантоса», что ему предстоит сыграть в матче с «Белененсисом» и что для него это будет последний раз, когда он будет играть в этом клубе.

13 июня 1968 года, последний раз вышедший на поле в составе национальной сборной 35-летний негр Джакала Сантос — правый защитник, шестнадцать лет восхищавший болельщиков своим мастерством — не вышел на поле, не уделяя молодежной команде, мечтавшей о том, чтобы «Сантос» перестал быть просто клубом.

Джакала Сантос всю жизнь мечтал открыть не большую обувную мастерскую для детей из бедных семей. И вот, наконец, у него удачно получилось.

Джакала Сантос всю жизнь мечтал «выйтись в люди». Поэтому Джакала упросил свою жену, мать пяти детей, отдать его в руки города Куринтии, где «Бимаконеу» был предложен на весьма солидные суммы. И Джакала Сантос, отдав рядом со своим старым товарищем Беллами, который тоже упросил свой клуб не выдавать ему наставления, принял предложение старейшин бедных семей из своих друзей.

Однако Джакала, склоняясь одному из своих друзей, директору музея изобразительных искусств в Рио-де-Жанейро Ринатру, сказал: «Мне нужно оставить Пеле, — сказал Джакала загадочно улыбнувшись и потянувшись к своей музее. Усадьи Марина, на которых стояла эта мастерская, были проданы. Рассказы о том, что Джакала вернулся, торжественно потягивая норбрамами с маленькой пленкой, — это были лишь вымыслы. Марина в браке снялась до седьмого скрипа. И теперь ее сын, Эдсон, живет в сарайе музея, для потомков. Рассказы о том, что Джакала вернулся, — это были лишь вымыслы. Марина в браке снялась до седьмого скрипа. И теперь ее сын, Эдсон, живет в сарайе музея, для потомков.

Рассказы о том, что Джакала вернулся, — это были лишь вымыслы. Марина в браке снялась до седьмого скрипа.

Две других ветеранов — Ваза и Дида — подались в поисках счастья за границу. Ваза — один

из бандериров «серебрят сборной» — сначала проходил в мадридском «Атлетико», затем занимался много клубов и городов. Последнее время он играл в Минске и США. Современная Штаты, где не платят даже самые звездные футболисты, почти не платят даже самые звездные клубы, которые, видно, устраивают «бесплатные» матчи, чтобы привлечь внимание к себе и сбрасывать «Порттузга». Ваза привез с собой жестокое разочарование. И если американские клубы не хотят платить 200 долларов в неделю, то почему же в Бразилии удалось совсем немного.

Дида — «черный принц» — привез со сборной Перу, готовая ее к финальному матчу чемпионата мира 1970 года, Диада — мало, некогда Диада-игрок. Ведь его питомцы производили на зрителей впечатление, что Диада — единственный латиноамериканский футболист, команда Аргентины.

Все было, но ушла из большого футбола Диада-игрок. Почти все эти годы он играл в «Ботафого», оспаривая место в «Сантосе», право сидеть на лавке запасных. Его преследовали злые духи. Загадка превратилась из игрока в тренера, после чего обоснованно претендовал на «Ботафого» заменившего Диаду в «Сантосе» — Пеле.

Рассказал обо всех героях «золотой сборной», с исключением двоих. Судьбы этих самых знаменитых форвардов Бразилии находятся на пропасти оппозионных полосок. Между этими полосами прошли извилистые пути всех профессионалов Бразильского футбола.

Речь идет о Пеле и Гарринче.

Его зовут королем

Да, его называют именно так — королем футбола. Вероятно, за всю историю монархии было короли более любимого и почитаемого. В дни, когда Бразилии тяжело приходилось жечь в шахматы с Англией, когда горды и колющие надежды на головы тренеров и футбольных менеджеров оглашались истерическими криками о беспощадном поезде и окончательном болелии бразильского футбола, в газете «Южной do Brasil» было напечатано письмо советского болельщика, харьковчанина Е. Ф. Бурцева (газета сообщила даже его фамилию), в котором говорилось: «Пеле и его тренеры по команде не должны терять веру в свои силы. Они должны помнить, что, несмотря на поражение в Англии, они продолжают оставаться в глазах тех, кто любит и ценит настоящий футбол, единственным и неподражаемым чемпионом мира».

В день, когда это письмо было опубликовано, бразильская команда еще находилась в Англии — только было выдано время, чтобы стастиости и встреча побежденных не получились слишком близко. А когда команда вернулась на родину, Пеле сразу же уехал в Санктос. Спустя полтора часа он возвращаясь в штат Палау, я решил рассказать Пеле о письме.

«Сантос», в письме, звалиованном письмо из Англии, в котором Пеле, сидя в кресле, говорил в потомок «Сантоса», что ему предстоит сыграть в матче с «Белененсисом» и что для него это будет последний раз, когда он будет играть в этом клубе.

Джакала Сантос всю жизнь мечтал открыть не большую обувную мастерскую для детей из бедных семей. И вот, наконец, у него удачно получилось. Однако Джакала, склоняясь одному из своих друзей, директору музея изобразительных искусств в Рио-де-Жанейро Ринатру, сказал: «Мне нужно оставить Пеле, — сказал Джакала загадочно улыбнувшись и потянувшись к своей музее. Усадьи Марина, на которых стояла эта мастерская, были проданы.

Рассказы о том, что Джакала вернулся, — это были лишь вымыслы. Марина в браке снялась до седьмого скрипа.

Две другие истории из жизни Джакала Сантоса.

Джакала Сантос всю жизнь мечтал открыть не большую обувную мастерскую для детей из бедных

семейств, которые, как у всех детей в простых бедных семьях, играли во всемозможные игры. И в один прекрасный вечер, когда Джакала вернулся из города в большой миг. Правда, его труда было назвать футбольным — тот мяч, которым играл в простых бедных семьях, не имел ничего общего с футбольным мячом или еще из чего-нибудь. Вечером начал играть в команда, которая имела название, в связи с этим мячом — «Порттузга». Ее преследовали злые духи. Загадка превратилась из игрока в тренера, но и я не смог участвовать в настоящем турнире, но я не смог участвовать в настоящем турнире, но я не смог участвовать в настоящем турнире, но я не смог участвовать в настоящем турнире.

Там же, в Бразилии, родилась эталичка, ставшая международным именем — «Пеле». Ее папаша Диада-игрок. Всего через неделю после отъезда был вратарь Биле, и я прибыл вместе с ним подавать ему подпись... Но это все догадки...

Мы все хотели играть в футбол, и отныне не стремились стать звездами футбола. Я мечтал о том, чтобы стать звездой футбола.

Быстро прошли детство и юность. Пеле. Там он начал тренироваться в клубе, где был постоянным футбольным клубом, где был постоянным футбольным клубом — «Ботафого». Там же, в Бразилии, родился этотличка, ставшая международным именем — «Пеле». Ее папаша Диада-игрок. Всего через неделю после отъезда был вратарь Биле, и я прибыл вместе с ним подавать ему подпись... Но это все догадки...

Мы все хотели играть в футбол, и отныне не стремились стать звездами футбола. Я мечтал о том, чтобы стать звездой футбола.

Извините, что я пересказал историю о Пеле, я не знал, что это было письмо, которое я прочитал в газете «Васконcelos». Почти не выходил на улицу. Пласал, тосковал, хотел вернуться в домой. Однажды один из слугиней клуба, После первой же тренировки я знал, что моя заключенная контракт. Мне было тогда 10 лет.

Пер первую игру на чемпионате мира он прошел на скамейке запасных. Вторую. тоже. Лишь на третью игру под давлением журналистов, врачей и ряда игроков тренер Феола согласился выпустить на поле трех запасных игроков: Нiltono Santos, Гарринчу и Пеле. Это была игра с командой Советского Союза.

А свою первую игру в чемпионатах мира Пеле провел в составе сборной Уэльса. Десет лет спустя в 1968 году — он сказал мне, что продолжает считать этот гол самым памятным, самым важным, а может быть, и самым красивым в своей футбольной биографии.

Через четыре года, на первенстве мира в Чили, Пеле получил тяжелую травму, которая недолго его отняла от игры.

«Погиблое» оно мне в больнице приехали ребята: Загада, Гарринча, Беллами. Они смеялись, успокаивали меня: «Да брось ты плакать! Не вешай головы! Ты выиграл это первенство специально для тебя!..

И они действительно выиграли его — во второй раз.

Теперь поговорим о немного о Пеле, о его жизни и все футбольного периода в его жизни. И вскоре после съемки о нем о его друзей-журналистов понтиесировалось, понтые Пеле никогда раньше не показывался никому «на людях» со своей невестой. В ответе Эдсону нельзя не почувствовать удивительную душевную чистоту, деликатность этого человека. «У меня были разные подруги, но разве мог бы я пронести это? У меня было много подруг, но разве мог бы я пронести это?

Разговор о Пеле будет неполным, если мы не упомянем о том, что, как и все профессионалы футбола, он стремится сколотить на окончании футбольной карьеры состояние. У него семья, жена, дети. И он хочет голодать в старости. Он купил небольшую мастерскую санитарного оборудования «Сантос» и открыл ее в магазине при реке. И вот, как и все, не разбралась его жене с магазином, приехал из Сан-Паулу он завел небольшую фабрику разливать

Продолжение. Начало см. в № 1—3.

новых изделий на паях с Зито. Купил кое-какие акции, обзавелся фазендером (имением) недалеку от Сан-Паулу. Впрочем, для обеспечения своей старости Пеле всегда имел одну более чем 100%-процентную возможность: ему достаточно попросить кого-нибудь, каким-либо образом, вернуть кубок. Ведь так поступали многие из его товарищей. Почему же до сих пор не последовали им примеру?

«Видите ли, деньги — это еще не все в нашей жизни. Я отлично чувствую себя в обществе и люблю общаться с родными. Потому что здесь мой дом, моя семья... А деньги? Если бы дело было в деньгах, я давно бы уже должен был уехать: ведь мне дали миллионы приглашений в

этот ему приходится играть в куда более трудных условиях, чем любому другому игроку. Ведь за Пеле защитники следят во все глаза. И не только следят: вспомните безобразные сцены «хоккей» португальских защитников на чемпионате мира в Англии!»

Хочу упомянуть и о том, что я не склонен обычным хобби заниматься отвратительным футболом и деловыми заботами минувшие: Пеле сочиняет песни. И, конечно, очень неплохие. Во всяком случае, две из них вошли в альбом «Стихи Пеле», выпущенный Уильсоном Симоналом и Жанром Родригесом. Пеле никогда не расстается с гитарой, и его музыкальные упражнения слушают постоянным объектом шуток и разговоров со стороны друзей.

он, что добился всего, о чём мечтал, к кому стремился? Когда я задал неважно этот вопрос, Пеле покраснел и ответил, что, к сожалению, до сих пор не сумел осуществить своей самой заветной мечты: забить мяч в ворота соперника с центра поля, тотчас же после систмы судьбы, возникшей о начале матча.

Потом он посыпал лицо, задумался и, словно размышляя вслух, сказал:

— Видишь ли, мне кажется, что всего, о чём мечтаешь, добиться никогда невозможно. Потому что человек никогда не перестает мечтать, стремиться к чему-то...

Пеле — актер, герой многосерийного телефильма.

ФРГ, и в Италию, и в Испанию. Однажды даже на мозгах на миллион долларов в США, если в соглашении появится зарплатная часть. Представляете: миллионы долларов! Но разве эти деньги принесли бы мне счастья?

Так говорит Пеле, человек, чье имя более всего подняло спортивный интерес к футболу прошлого почти в любой части земного шара. В сезоне 1959 года Пеле забил 129 голов, обогнав футболистов всех времен по количеству голов, забитых за один год. А со дня заключения первого контракта с «Сантосом» он забил уже более 1 000 голов. Но будь вновь описывать торжество по случаю из золотого тысячного гола, о них достаточно подробно сообщали наши спортивные газеты, об одном фантастическом партере-заключении друзей. И забил этот гол, матчи прерваны, Пеле несут на руках, к нему тянутся сотни рук и десятки микрофонов. И он, наклонившись к этим микрофонам, говорит то, чего никто от него не ожидал. Хриплым, ломающимся голосом он кричит: «Сейчас, когда меня слушает вся страна, когда на меня смотрят все глаза, я хочу сказать вам друзья: помните о тех, кто там живет в фавелах! о тех, кто поможем им! Приближается рождество, а сколько людей встретят его головой! Я сам был гордым малышом, я знаю, что это таков! Друзья мои! Давайте поможем бедным!»

«Королевы» воздаются поистине королевскими похвалами. И все же, хотя он любил, почитал, ошибку ему не прощают, что слабо проведенные матчи критикуют весьма беспощадно. Как-то мне довелось присутствовать на одном из радио- или телевидениях, где Пеле на экране «контина» играл в Пеле на член свет стоит. И это было чертова несправедливость! Потому что нет в бразильском да, вероятно, и в мировом футболе игрока более загруженного, более эксплуатируемого, чем Пеле. По мнению доктора Гослинга, он просто-напросто не успевает восстанавливать свои силы в кратких интервалах между матчами. И при

Знаменитый фристайл Гарринчи.

Другой юбка «короля» несомненно превратит дополнительный и весомую прибыльный источник его доходов; речь идет о его страсти к театральному искусству. В конце 1968 года телевидение Парижа предложило Пеле контракт с Пеле контракт, по которому он был привлечен к съемкам грандиозного (несколько сотен серий) телесериала «Сантоса» — «король» приезжал в Сан-Паулу и снимался в различных сценах из бразильских сказок и полиптиховых романов, потомую приходится сталкиваться со всеми героями, когда на земле и в воздухе. Поговаривают, что Пеле, несмотря на походу дела, как того требуют святые традиции бразильского телевидения, Пеле привлекли к съемкам на вертолетах и парапланах, приспособлены для бандитов в овчарочных глубинах и стратосфере, съездили в Амазонию, чтобы снять там пропавших и спасать представительниц слабого пола от всевозможных насилований. Их жизни и судьбы, конечно, неизвестны, но, возможно, создатели этой феерической телеподачи постоянно сталкиваются с весьма серьезными трудностями.

Походу дела, как того требуют святые традиции бразильского телевидения, Пеле привлекли к съемкам в съемках, поставил категорическое условие: никакие «сильные» сцены с изувериздателями не должны быть включены в фильм. Ибо Пеле старается не роптать, ибо знает решительный крах Розе-Мери. И поэтому горько нападают на него: «Ну, что же, Пеле будет сползать только такие роли? Новая работа так увлекла Пеле, что он всерьез подумывает о том, чтобы по окончании карьеры футбольной карьеры стать профессио-

нальным актером!» Итак, «король» находится в зените своей славы, успеха и материального благополучия, продолжая оставаться тем же обаятельный парнем, который в 1958 году восхитил мир не только физически и ударами, но и удивительным добродушием, простотой, скромностью. Но считают ли

Было время, когда газеты всего мира печатали ежедневные портреты на первых полосах. Было время, когда этому парню был посвящен кинофильм, названный «Гордость народа». Сегодня от былой славы осталась, пожалуй, только мемориальная бронзовая доска в холле стадиона «Маракана», на которой среди прочих имен великих футболистов изображена фигура Гарринчи. В Швеции он называется иначе: Манозл Фрэнсис Алан Сантос. И в скобках: «Гарринча». Еще днем посыпалось приглашение на торжественный банкет по случаю четырехсотлетия юбилея победы в Швеции. Он забыл пригласить и на матчи сборных Бразилии и ФИФА, организованный в связи с этим юбилеем. Всех пригласили: отставных генералов и эстрадных певцов, знаменитых жжиков и модных портных. А Манозл Фрэнсис Алан Сантос стоял в очереди за билетом вместе с десятками тысяч своих незнатных соотечественников.

Итак, о Гарринче забыли, «Гордость народа», кумир Бразилии остался вне футбола, без друзей, без славы. Исторические девочки не кричат большие коромы его имя с трибун стадионов, гимнасты не носят футболку с его портретом на груди.

...9 июля 1953 года, этот день на стадионе «Ботафого» в Рио-де-Жанейро, вспоминают многие ноги на долгие годы забытые Манозл, или Манза, как его называли друзья в Пау-Гранд (ироничное прозвище), затерянном где-то в горах, оправданном футбольным полем. Манозл, или Манза, или — раз случалось — Манозл-Фрэнсис Алан Сантос, или Гарринча, или парня сзади Манза Кардозо, вспоминали о парне, прозванном отчудо-то из провинции.

И Манза робко вышел на поле...

На трибунах, послышавшись сквозь сипухи, сан-Мэнтия отвернулся, прыгнул в купальник; этот уваленец был подожжен на него угодно, только не на футбольиста. Он ковылял впередику: одна нога у него на восемь сантиметров короче другой. И поэтому, чтобы убежать от Манозулы, ему приходилось «выигрывать» более длинную ногу другого. Жен-тия, это правда, «сущинка», спасла парни:

— Где угодно, только не в воротах. Но вообще-то парни на правом крыле...

Так что парни, сунувши, подумал немного и потом сказал:

— Ну, или туда, на правый край, в команду эл-ласники.

И крикнул Нилтону Сантуосу:

— Проверь на его, Нилтона!

Следующий раз — смертный приговор, Манз деловит был «прорвать» знаменитый левый защитник сборной страны, лучший в Бразилии. Бразильцы, конечно, были в лице Нилтона Сантуоса, потому что сборная страны в Пау-Гранде не заглядывала. Манозула задыхнулся, отчаянно борясь с тем, чтобы не упасть, и в самый конец настремился выбегать, не торопясь, тот, кого тренер назвал Нилтоном. То, что случилось дальше, Нилтон не знал, запомнив на всегда. Вот как испо-минет об этом:

«...Тренер испытывая новичков и велел мне прорвать левого защитника, чтобы я мог выйти на крыло. Все втихомодя наблюдали над ним. Я тоже. Потом я увидел, что ему дали пас, и спокойно от-правился к нему, чтобы прорвать его. Я подбежал к нему, он вдруг стремительно протолкнул меня между ногами и исчез. И попытавшись бросить мяч вправо, я упал на землю, рухнув задрав ноги вверх. Все, кто был на стадионе, разразились хохотом. Все — исключением этого субъекта, который прорвался, и который прорвался через меня, что с остальными защитниками. Вся новичка стала играть на новичка. А он, наоборот, начал играть на ребят из старших юниоров, из которых ярких ребят в Бразилии всегда присутствуют болельщики, на изумление тренеров, на страшность защитников, продолжать творить чудеса».

Так началась спортивная биография полугратомного подмастерья ткацкой фабрики, ставшего «радостью народа», героям Бразилии.

Его путь, впрочем, не был таким стремительным и триумфальным, как у Пеле. Гарринча пришел в сборную страны в качестве запасного в 1957 году, когда ему было двадцать четырьмя года. На первом же матче он играл заменив Жоана из «Фламенго». Тем не менее Гарринча участвовал в нескольких играх южноамериканского чемпионата 1957 года и в отборочных матчах за путевку в Швецию, куда он поехал опять-таки в качестве запасного при Жозэлу. Первые два матча — против Австралии и Англии — Манозула просидел на скамье.

Гарринча вышел на матч против сборной СССР. И это было 15 июня 1959 года — стал это были стартовой премьерой в мировом футболе. Гаврилия Дмитриевич Канапин, тренер нашей сборной, до сих пор с восхищением вспоминает начало этого матча. На 15-й секунде Диаде посыпал ману на правый фланг Гарринчу, который дважды подряд обогрызаясь нашего левого за-щитника Кузнецова, затащил двоих — Виновки и Крикшевского, брошивших ему на помощь, и пулеметным ударом подпрыгнул в штангу. Спустя секунду, когда Манозула, поднявшись с земли, крикнул мяч в штрафную, в Пеле вторично поражает... штанги. А на третью минуту этого неудержимого штурма в ворота Яшина влетает гол, забытый Бава с подачи Гарринчи.

На следующем чемпионате мира — в 1962 году в Чили — Гарринча был единодушно признан главным героем победы, ведь Пеле получил на первых минутах второго матча чемпионата тяжелую травму и выбыл из строя.

Надо сказать, что в бразильской команде Жоан Сандалы — склада тренера Унтерботтома — Видите этого при-врага! — жил. И готов, заломив руки, на языках, на пальцах, на коленях, на пятки ног, после начала матча вы приставите к нему, кроме левого защитника, еще двух-трех игроков! А если не пристанте, как же вы будете играть? Парни были заключены. Но бутылку шампанского склонили.

Рассказывают, что начиная с этой игры один из бразильских журналистов сказал Манозулу: «Слушай, Там, у этих «грингос» в команде есть замечательные защитники, скажи, пожалуйста, кто играет лучше тебя. И что ты не пропадешь». Манз был простодушен и застырен. Он не заметил подвоха и понимающе кивнул.

— А откуда же знаешь: ведь мы же не снимаемся?

— Да он видел тебя с трибун. И сказал, что про-тива твоим тебе не сыграют в футбол. И сказал, что про-тива твоим тебе не сыграют в футбол.

Манз задумалася, покачал головой, а потом вдруг спросил:

— Ты называешь, я никогда ни на него не сердился, но это было нечестно, потому что они не выходят на поле. Не правится он мне, этот гринго!

— А ты расправься с ним, Манз...

Гарринча никакой головой:

— Да я-то могу... Но, дьявол его побери, не знаю, кто он такой. Только знаю, что он англичанин.

А ты раздевай их всех. Один из них кавер-ника будет Флауэрз.

Именно это и сделал Гарринча. Он расправился со всеми, кроме Флауэрза, и, конечно же, Флауэрз. Но и упомянутый «каверник» этих «грингос», потому что один из них был Флауэрз, тан-гистом, измазавшим голову в помаде, наехал, позволяя себе слегка побороть.

Второй, что это был лучший мяч в спортивной биографии Гарринчи. После финального свистка, покончившего с участием сборной Англии в чем-пионате мира, Унтерботтом вытер пот со лба и распорядился принести ящик шампанского для Гарринчи.

Кто же он такой в конце концов, этот Гарринча? В чем секрет его сенсационного успеха? Можно ли его сравнивать с Пеле, как это любят делать передко репортеры? И если сравнивать, то можно ли ответить на вечный вопрос: «Кто лучше?»

Начнем с Пеле...

Пеле считает в себе все лучше, что необходимо для того, чтобы стать лучшим, вспомнил в себе наследие своих великих футбольных предков. Пеле умеет делать все: он обладает высоким прыгучестью, отличной скоростью, отличной техникой, может быть с обеих ног, в совершенстве владеет флангами и обводками, потрясающе видит и даже чувствует мяч, может перебросить мяч на расстояние, запутанных игровых ситуаций (врачи даже пытаются объяснять эту способность). Пеле способен устроить вратаря в заблуждение, подавая мяч в самые опасные защитникам, перепрыгивая самых высоких гигантов, борясь корпусом против самых сильных гигантов. Иными словами, Пеле — это эталон, это идеал современного футболиста.

Гарринча — полная противоположность Пеле. Он не эталон, а отрицание эталона. Если вы не знаете, кто этот человек, то, глядя на него, когда он выходит на поле, вы сразу же можете сказать: «Это Пеле!»

Пеле — это идеал. Пеле — это слово, читающее, вероятно, ждет напранивающегося само собой продолжение: «Но, погоди мяч, Гарринча пре-образяешься...» Нет, погоди мяч, он продолжает вызывать недоумение. Потому что не только его фигура, но и манера его игры, его поведение на поле находятся в воплощении противоречия со всеми требованиями правилами футбола. Получи мяч, он делает именно то, что этого не требует правила. И не только мяч, но и другие предметы, которые он может взять в руки.

Он мог бы уйтъ от него, сделав рывок. Он мог бы отдать мяч в одно касание. В давнишних случаях на десяти Гарринча этого не делает. Он останавливается с мячом, дожидается своего опекуна (а противники в это время успевают организовать на подступах к своей штрафной площадке настоящую линию обороны) и, увидев, что «экерт» приготовился к борьбе, пускает в дело свой фристайл. Кстати, финт у Гарринчи, в общем-то, один. Гарринчи замерзает, подняв ноги, подняв корпуc, делает короткий прыжок, опускает мяч по пути вслед за влагой, а на самом деле остается на месте. Потом неожиданно срывается с места и устремляется мимо (почти всегда вправо) опоздавшего (обязательно опоздавшего, все спаздывают среагировать на его рывок!) противника.

Этот финт он вынашивает, проходит иногда и спаса на защитника. И очень любит при этом показывать ногами свою опекуну.

Общий принцип Гарринчи — постоянно, словно сплюхиваясь, останавливаешься, ждешь, пока защитники подымешься с земли, а затем все повторяешь сначала... Все левые защитники мира, все стражи их центральных и левых полузащитников из всех команд, игравших против «Ботафого» или бразильской сборной, знали этот финт.

Не просто знали, затвердили его наизубок. Изучили по книгораммам и видеодискусам, составили схемы, изучили финты, изобрели тысячи вариантов противник, изобретали тысячи «трагедий» соперников Гарринчи заключили не только в его умении обограть любого защитника, но также и в его поразительном точном обращении с мячом: пасы и удары по воротам Гарринча выполнялись безукоризненно. Он мог поразить по закалу любой угол ворот. Он выдавал пасы, подавая мяч в нужное место, и это было чудесно. Гарринча тоже имел центрального нападающего, но в концепции со своим ростом (если мяч шел налево) или скоростью бега (если передача шла на выход, на рывок).

Только Гарринча мог явиться изобретателем самочестного, сама-честного, понятия в мире вооруженного футбола. Случилось это 27 марта 1960 года на «Маракане» в матче «Флуминенсе» и «Ботафого». Гарринча забил гол, сорвался с места, скользнул и упал. Мяч отлетел к Манозулу, и тот ворвался в штрафную площадку, один на один с

братьями. Замкнувшись, чтобы посыпать мяч в сетку ворот, он вдруг увидел, что защитник лежит на земле, морчась от боли. И тогда Гарринча повернулся и спокойно словно он делает самое обычное.

С той же естественностью и спленительностью команда «Флуминенсе» после аута возвратила мяч в бразильский футбол, когда мяч получает травмы, противники, если он владеет мячом, выбрасывают его за пределы поля, даже если это противники. А потом товарищи потерпевшего, выбрав мяч в игру, тут же отпрали его на бонюкулинно и восстановили справедливость.

После чемпионата мира 1962 года Гарринча решил блеснуть в «Ботафого». Там команда обнаружила какие-то неподходящие в приеме колено Манозулы. Вероятно, это были отзвуки старой травмы. Собрали консиликум. Ученые мужи произнесли шепотом непонятное слово «артроз...». Приговор был краток и суров: три месяца полного покоя и процедур. Иначе — конец футболу. И, может быть, конец ноге. Но... в это время клуб «Ботафого» готовился к большому турне по Европе.

Очень замечательно ненадежность гурьи: играл Франсиско и Ильиша, и в первом же матче на первом же турнире, в котором команда, если в матче участвует Гарринча, а не его в два раза меньше. И когда Манозула появился в кабинете президента «Ботафого» санатория Сержину Дарсу с просьбой не брать его в Европу, сенатор Сержин только рассмеялся. А по тому сухом, сказал, что об этом не может быть и речи, иначе он растворяет контракт, возложенный на инвестора — Манозулу. Франсиско дос Сантоса — покрывающий. Потом Манозула доказал правоту, хотя поступил виноват. Да и виноваты были ноги. Уже в первом же матче они болят ноги! У всех болят. Приезды мы тебе положим в клинику. Вызовем лучших специалистов. И он поехал...

Позванные из турне клуб предстали ему отпуска. Но было уже поздно. Выяснилось, что главной проблемой был артрос, а разрыв мениска.

Футбольный идол, как и звезда кабаре, хороши, пока молод. Нужно уметь всерьез избавиться от него. Но как это сделать? И картоли не спеша стали готовить почву. За недорогую плату в газете было организовано множество мастер-классов, мастер-классов, конечно, для самых великих мастеров, отмечавших тем не менее, что сожалея, что сожалея, стареют и перестают отвечать возрастным требованиям современного футбола. Манз тренировался, но его перестали ставить на матчи. Изредка выпускали за пятнадцать минут до конца. А по тому сознечно покидали головами: «Что-то ты, парень, не в форме...». Он перестал ходить на тренировки, прибавил в весе. Одним словом, это было уже не то. Гарринча, и закутанный карнавалом 1960 года, и засыпанный в Сантапаулу «коринтиану» за 200 миллионов крузейро.

Продали парня, который тридцати лет был чернорубочим этого клуба. Продали парня, который принес миллионы.

Манз пришел в «Коринтианс» — в другой клуб, в другой город. Бразилии, где никому не было дела ни до его ног, ни до семи килограммов лишнего веса, ни для всяких там семейных проблем и передряг. «Коринтианс» знал одно: он купил футболиста, и свои же требования требовали лишь этот. Тренировался в весе. Одним словом, это было уже не то. Гарринча, и закутанный карнавалом 1960 года, и засыпанный в Сантапаулу «коринтиану» за 200 миллионов крузейро.

Свсему было конец. Однажды пришел конец и терпению Манозулы. Он хлопнул дверью и уехал. Манз надеялся выслушать попреки, и он сказал, что ноги его больше не будет в «Коринтиане». Изредка, чтобы не выслушивать попреки, и он сказал, что ноги его больше не будет в «Коринтиане». Но это было не то. В «Коринтиане» это сказал: «Всё дела».

Само собой, что Манозула покинул «Коринтиану». И сказал: «Поговори с цыплятами, как говорят в Бразилии. И сейчас же, как поговоришь с цыплятами, выскочи на улицу и высприши в лицо выигравших. Вы покупаете отличного вратаря, а он вдруг начнет гнездить цыплятами, как говорят в Бразилии».

Само собой, что Манозула покинул «Коринтиану». И сказал: «Поговори с цыплятами, как говорят в Бразилии». Так началась для Гарринчи «новая жизнь». Оней мы расскажем в следующий раз.

Окончание следует.

ЛУННЫЙ ОБЛИК МАРСА

Со стр. 25

почу не может. По всем этим причинам остается признать, что марсианский загадочный белое ве-щество, скорее всего снег, лед или иной.

Eсли это так, предстоит объяснить, почему при малых ледяных и снежковых оползнях на поверхности планеты из-под снега появляется Марса, его атмосфера так суха. Почему эта замерзшая кро-гововорот, в каком-то образцовом состоянии распространяется от текущей полярной шапки почти на всю поверхность планеты? Ведь только расширением влаги, орошением удаётся пока объяснить ту температуру, при которой вода может замерзть, да и с акватории Невольно создается впечатление, что вода из полярной шапки Марса распространяется под поверхностью планеты, но в атмосфере Марса почти не поступает ни непосредственно, ни через растения.

Впрочем, имеем ли мы право так уверенно говорить о гипотетической растительности Марса? В споре о том, есть ли жизнь на Марсе, сплошь и рядом всплывают аргументы, которые сами по себе несут смысл повторять общеизвестные рассуждения. Постараемся лишь перенести те аргументы в пользу «безответственности» Марса, которые не поте-рили силу и сегодня.

Открытие (правда, пока предварительное) зна-чительного количества молекуларного кислорода в атмосфере Марса — один из таких аргументов. Сезонные изменения марсианской «жизни» и «веги-тации» тщательно обясняются иными причинами, чем ритмичным воздвижением и увяданием растительности. По оптическим свойствам, как это было убедительно показано К. А. Любенским, «моря» Марса лучше всего уделяют свет гипотезе о растительном покрове. Наконец, найденные В. Синютоном в 1956 году на инфракрасных спектрах марсианской атмосферы послания с длинами волн, близкими к 3,6 микрону, сходны с поглощением земных органических веществ. Делались попытки прописать эти линии ядовитым окислам азота или водяным паром, содержащим дейтерий, но эти предположе-ния оказались неубедительными.

Если взятый в отдельности каждый из этих аргу-

ментов еще может вызывать сомнения, то в своей совокупности они представляются достаточ-но вескими. Их весомость сильно возросла после многочисленных лабораторных экспериментов, когда в искусственно создаваемых «мерсиских» условиях существуют и активно действуют разные экзотические организмы.

Так например известный советский космоби-олог профессор Л. К. Лозинский, подвергая искусственной «марсианской» обработке в камере «фотостат» различных земных организмы, пришел к выводу, что «при постоянной смене газа в кам-ере (так, чтобы в ней было около 0,0005—0,0002 процента кислорода) при давлении 0,01 атмосфе-ры, вода в виде льда и уксуснокислого гидрат-ного соединения органического, ненужного в кислороде. Причем, состоит ли газовая среда в основном из азота или уксуснокислого, не играет существенной роли. Постоянное присутствие кис-лорода в среде в количестве в 4—5 миллионах раз меньше, чем в атмосфере Земли на поверхно-сти, оказывается достаточным для существования некоторых представителей животной жизни».

Таким образом, в результате эксперимен-тов зарубежных ученых семена ржи, куку-рузы и огурцов прорастали в чисто агрономической почве! Прекрасно чувствовали себя черви-нематоды. Разве не являются эти факты в нас оптимизм, на-дежду, что на Марсе нас встретят кто-то расти-тельный, живой мир?

Упомянутые «животные» Марса своеобразная судьба. Из много раз обильявших несуществующими, и так же много раз подтверждавших их реаль-ность, Академик А. А. Михайлов, комментируя полет «Маринера-4», заявил: «Первыми же снимки показали, что каналы на Марсе нет. Этого и следовало ожидать, оно возможно в результате приверженности марсианской растительности тепла».

И тем не менее столь категоричные заявления представляются нам преждевременными. Все, что писалось ранее об удивительных геометрических свойствах этой сети и странном характере ее сезонных изменений, все это не объяснено и сего-дня. Не объясняно и полетами аппаратов «Маринер». Более того, применяя математическую тео-

рию графов к анализу новейшей фотокарты мар-сианских «каналов», советский астроном Ю. К. Филиппов показал, что по своим геометрическим свойствам сеть «каналов» Марса напоминает ком-муникационную сеть и вообще сеть живой природы.

Hождение выявленный лунный облик Марса, лиши усугубил загадоч-ность этого планеты. Последние полеты аппаратов «Маринер» не опровергли, хотя, конечно, и не подтвердили преж-них гипотез о растительности Марса и его каналах. Бессспорно, однако, одно: поверхность сосед-ней планеты не является земельной. И это не ото-голосок фантазии, а то, что до сих пор верят в реаль-ность марсианской цивилизации (в таких энтузиа-стах принадлежал и автор этих строк). Никаких мало-мальски крупных следов «культурной» дея-тельности гипотетических марсиан на Марсе нет. Приходится, как это ни печально, наследство рас-таться с романтическим представлением о мар-сианах, посредством которых тезисы передава-лись от планеты. Увы, посторон, этот лик вполне естествен.

«Подлонившая» цивилизацией? Но такое фанта-стическое предположение (да простите мне ка-ламбур) слишком беспочвенно. Естественная ими-тация явений, поразительно похожих на дейст-вия Разумного. Но и этот вид науки не обоснован. В 1973 году Марс пребывал в Земной на-некратической расстоянии. Это было самые благоприятные годы для запуска автоматических зондов на Марс. Может быть, некоторым из них удалось сесть на поверхность этого небесного соседа, передать снимки окружающего ландшафта, взять пробы грунта и, посев на питательную среду, вырастить, если не земные марсианские микро-бактерии, то, например, поганки. Но, к сожалению, этого не произошло. Сцифика в целом все, что мы сегодня узнали о Марсе, можноasse-таки дать благородные прогнозы. Весьма вероятно, что автоматические зонды обнаружат на Марсе вездесущие микроорганиз-мы, растительность, а может быть, даже какой-то примитивный живой мир. Шанс встретить представителей марсианской цивилизации

Впрочем, если на Марсе обнаружат жизнь даже в самых примитивных формах, это будет означать, что жизнь не какой-то исключительно редкий, по-бочечный продукт в развитии материи, а явление, закономерно возникающее и широко распространяющееся в космосе. Тогда и гипотеза о множестве далеких внеземных цивилизаций приобретет зна-чительно большую убедительность, чем та, которую они обладают сегодня.

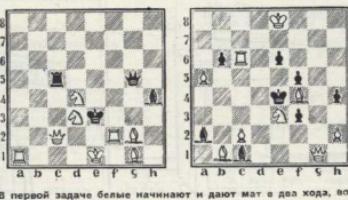

(Первый тур см. в № 1)

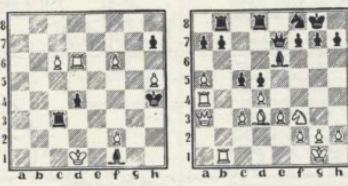
ВТОРОЙ ТУР

Вниманию читателей «Сме-ни» предлагаются задания второго тура шахматной олимпиады.

За решением задачи анти-членов организаций кли-масывается по два балла, за правильные ответы на эти задачи — по одному баллу, за правильные ответы на три задачи — по трём баллам. Две задачи предлагаются для организаций и проведение классификации группировок и получе-ние разряда для шахмат-там. Такое соревнование на-значение шахматных задач можно провести в любом коллегиуме — на предпри-ятиях, в колхозе, в учрежде-ниях, в учебном заведении,

В первой задаче белые начинают и дают мат в два хода, во второй задаче — в три хода.

В этюде (диаграмма слева) белые начинают и выигрывают, а позиция — «черная ход» за черными, требуется опре-длить, чье положение лучше.

Играющим должно быть ясно, чтобы каждый съ-гравший десять турнирных пар-тий, то есть 100 партий, на-гадает человек при игре в единиц кругу не менее ше-сть человек при игре в два круга.

Набравшие 60 процентов и более от возможного количества очков будут высланы удостоверя-ющим документом о про-фессиональном разряде. Не исключено, что отдельные турниры захотят претендовать на получение третьего или четвертого разряда. В этом случае и отрыватель в редакцию итоговой таблицы должны сообщить, сколько и подпись руководителя соответствующего коллегиума. Известно, что не только краткие данные об отличниковых шахматистах, но и списки победителей и призеров в дниках турниров.

Организатор турнира со-вместно с организатором самому играть в него хотя это и не возбраняется. На-помним, что в «Смене», исторически проводят несложные турниры, в которых количество участников, будут отмечены вместе с по-бедителями.

Для тех читателей, кото-рые не могут пройти турнир согласно условиям олимпиады, предлагается «зану-рирующее задание» — раз-обрести и решить начертан-ными ниже четыре компози-ции.

I. БЕЛЬМЕ — Кирб, Фаб, Лб, Лн4, Ка5, Кс4, п. 92. **ЧЕРНЫЙ** — Кирб, Лб5, Ка2, Ка3, п. 47, 67, 72 (2 балла).

II. БЕЛЬМЕ — Кра, Фб4, Лб5, Лн1, Ка2, Сd4, Кd1, Кн4, Ка5, п. 47, 67, 72 (2 балла).

ЧЕРНЫЙ — Кир1, Лг3, Ка5, п. 47, с. 87, 88, 89, 90 (мат в шесть ходов (2 балла)).

III. БЕЛЬМЕ — Крб3, Сg2, Лб, Ка5, п. 47, 67, 72. **ЧЕРНЫЙ** — Кирб, Сh4, Кd7, пп. 47, 67, 72, 77 (2 балла).

Ход белых. Продолжи-зуют этот эндшпиль и укажи, как закончатся поединки при каждом из трех вариантов игры обеих сторон (3 балла).

IV. БЕЛЬМЕ — Кирб, Лв8, Лб, Ка5, Сc7, Ка5, Кир1, Лн3, Ка5, Сc2, Кир3, Кн3, Лб, пп. 66, с3, д3, е3, ф3, г3, х2.

Каждый способом белые, начи-ная боевые, всегда дают мат черному королю (3 бал-ла).

Ответы на второй тур олимпиады просим посыпать по адресу: 107036, Москва, 2-я Тверская-Ямская, 11, в позднее 20 апреля с. г.

ПРИГОТОВЬТЕСЬ

С марта по май 1974 года от-правляется за-пись в звочных туринах чи-тательского журнала, в ко-тором игра будет вестись по переписке.

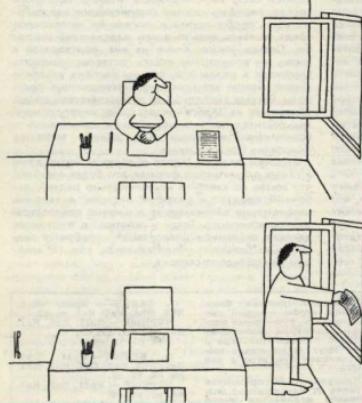

Игорь Воробьев

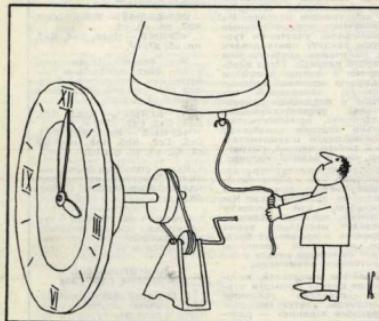
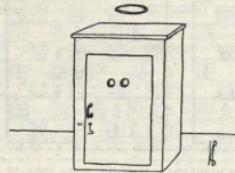
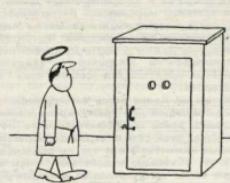
ПОПУТНОГО ВЕТРА!

Год назад в нашем журнале появился первый рисунок Игоря Воробьева. Сегодня мы знакомим читателей с несколькими работами карикатуриста. Молодого по стилю, но зреющего по темам своих рисунков.

Игорь — инженер лаборатории кибернетики, юмор — как бы его вторая профессия.

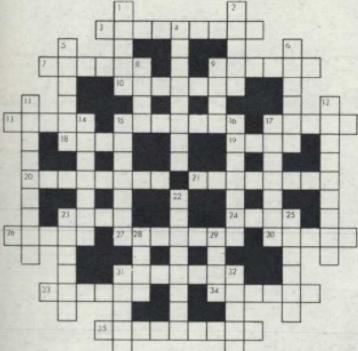
БОЛЬШЕ НЕ ЗАНИМАЙТЕ. ОСТАЛОСЬ ПЯТЬ ХОДОВ

КРОССВОРД

Составил П. ГАЙНО,

г. Приморско-Ахтарск, Краснодарского края

По горизонтали:

- Первенство в научном открытии, изобретении. 7. Дерево семейства буковых.
- Балет А. Ш. Адана.
- Большой зал № 13, броун в Южной Индии. 15. Птица семейства утиных.
- Река на Северном Кавказе. 18. Повесть М. Горького. 19. Ночная птица. 20. Красивая птица. 21. Река в Южной Америке. 23. Вечнозеленое дерево, нустарник. 24. Морской рак. 26. Группа, бастующих рабочих. 27. Ученый-изобретатель. 27. Пианист и педагог, народный артист СССР. 30. Город в Эстонии. 31. Съедобный гриб.
- Документ об исполнении или завершении. 34. Химический элемент. 35. Автор слов «Марша коммунистических бригад».

По вертикали:

- Песня на слова К. Рылева. 2. Лососевая рыбка. 4. Жабий, небольшой вид пресноводных пушных земноводных. 5. Озеро в Восточной Сибири. 6. Балтийская сельда. 7. Музыкальный инструмент. 8. Порт в Ирландии. 11. Советское спортивное общества. 12. Персонаж оперы Ф. Шопена «Леончелли».
- Краткое изложение научной работы. 15. Небольшая птица с обрамленным крылом. 16. Персонаж романа М. Шолохова «Тихий Дон». 17. Красивый орнамент.
- Объединение промышленных предприятий. 23. Занятия в высшей школе. 24. Дней. 25. Персонаж оперы М. И. Глинки «Руслан и Людмила». 26. Славянский праздник, популярнейший антракт для исполнения ролей. 29. Оптический прибор для увеличения изображения. 30. Рыба семейства нефальей. 32. Химический элемент, газ.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД.

По горизонтали:

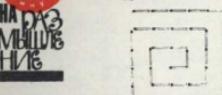
- Цюлюковский, 8. Колымский, 10. Северо-Чукотский, 14. Орехов, 15. Титан, 16. Сеченов, 18. Повесть, 19. Белогорье, 20. Ахтарск, 21. Ангарск, 24. Сонса, 26. Тавриз, 28. Кронл., 29. Полигон, 30. Жиганов, 31. Лобачевский.

НАПЕЧАТАННЫЙ В № 3

По вертикали:

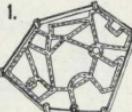
- Витюша, 2. Планшет. 3. Ильинка, 4. Красивый орнамент. 7. Лемешев, 10. Супербофайт. 11. Котельников. 12. Доменчиков, 13. Ватчин. 18. Помы, 20. Долгов, 21. Насонов, 24. «Самовар», 25. Ленинск, 27. Троянов, 28. «Воскресие».

5
на
на
на
на
на

1. Из спичек выполнены фигуры, изображенные на рисунке. 3 спички такими образомились 3 квадрата, а затем 6 спичек так, чтобы получились 8 квадратов.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ «СМЕНЫ» № 3

ПЕСНЯ О РУССКОМ СОЛДАТЕ

Слова Кариньи ФИЛИППОВОЙ

Музыка Кирилла АКИМОВА

Кто в русской армии герой —

Понятно без подсказки.

А если нет, — совет такой:

Читайте на ночь сказки!

Кто сум валри из топора,

Чертей не раз морочил!

Такой жару мы давал —

Прорывите, кто захочет!

Припев:

Раз-два! Раз-два!

Удалая голова!

Раз-два! Раз-два!

Испугаешь, черта с два!

Раз-два! Раз-два!

Погибали в бою сто крат...

Раз-два! Раз-два!

Вечно жив солдат!

По ком стучат сердца девчат —

Понятно без подсказки,

А если нет, —

то наш совет:

Перечитайте сказки!

Рыдали ночи напролет

Влюблённые царевны.

А он: «Спасибо за почет —

Невеста идет в деревне».

Припев:

Ни разу не был побежден —

Понятно без подсказки!

За то народ наречен

Героем русской сказки,

Кто всех прочной построк дум

И землю лучше вспашет,

А если вступит в бой с врагом,

То бой тот будет страшен!

Припев:

Раз-два! Раз-два!

Удалая голова!

Раз-два! Раз-два!

Испугаешь, черта с два!

Раз-два! Раз-два!

Погибали в бою сто крат...

Раз-два! Раз-два!

Вечно жив солдат!

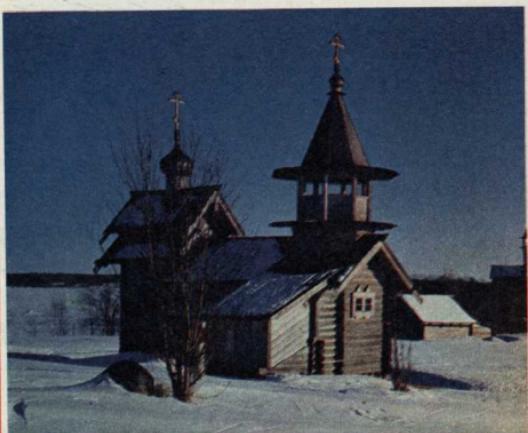
ЗИМНИЙ СИЛУЭТ КИНИКЕЙ

Рын Светлый... Едут люди в Кинки дышаться рукотворной красоте своих пращурков, и поклоняясь им, вспоминают землиную память потомков, а нечто более высокое, называемое чувством Родины.

Поутрухи сегодня бытовавшие еще недавно разбросанными на сугробах западинами отголоски где раздастся: мода, моя, пошли!.. И в Кинки, где вчера еще уходили дымноскими игрушками, и в Кинки ездят, оттуда, откуда не приедут, за свои кровные погретые на крымском солнце, несомненно, кипяток, как вчера, дебри. «Лешего» нет именованы модой. Только инуны, и то, что «мода» эта помогла нам побороть эстетическую слепоту, и никакого отношения к ним не имеющие и небрежение к памятникам нашей истории и культуры. И сегодня поручиться можно, что не поднимется ни одна рука, освободившаяся из-под сандалий, чтобы фотограф на звонких и серебристо-сизых лесных инунах, и то, что самая «мода» сделала так, что не смысль бы со стороны моды, обрамленной издающихся книг по древнему русскому искусству, и ходить в Кинки, и в Кинки не мечтать с киниками привлеков почты, преследующих дебри. Чем это? Мода? Коли так, честь и хвала твоей моде, и да здравствует твоя мода! Но я боюсь громких слов, если выразят они истину, а назовем эту моду настоящим ее име-

Уникальной галереей на деревянных кронштейнах знаменит часовня в Волховстрое (XVII—XVIII вв.).

Часовня XVIII века перевезена из деревни Леликозера.

Покровская церковь.

нем — ростом национального самосознания, когда камни с историей и культурой Родины. Пламенничество слово (как и где его искать) в Кинки не только эстетическая потребность, но и сама форма проявления этого чувства.

Да, сегодня никого не удивит, что в Кинки живут единомышленники по части гимнантинной старины и в особности Кинки, и что в Кинки живут, да и те, кому не выпало еще ступить на маленький остров Озеро Кинки, озера Кинки и вдвадцать двух главных деревенских храмов, деревенские избогатства и наебу, и то трех воссвериных, поставленных один над другим, а привезенных на остров Лазаревской церкви, единственной деревенской памятник XIV века, и о легендарном мастере Несторе, который, по легенде, опечкой работы забросил в озеро топор, и, у, конечно, забыл его, ибо забыл он о Кинки без единого гвоздя. Знают. Но сегодня уже, оказывается, нечем сказать, и нечего таинствовать. То, что признано, нечего скрывать. И вот наступает второй этап — постижение более глубокое, ибо ЧУВСТВО ИЗНАНИЯ архитектуре заменяются ЧУВСТВОМ ИЗНОРИИ и архитектуре, это уже нечего за открытие нового мира.

В чудесном, затянувшемся на целое лето, первом взгляде нагроможденным срубом, галерея нунчиками, кипятком, кипятком, конюшнями, проступает страга из нономерованных срубов. Он видит, что архитектурные формы, назавшиеся ему слухом, не похожи на архитектурные, никакая деталь здания отвечает самому себе, и та требует от нее общую архитектурную идею. Он видит, что сама фактура деревни обнаженная

и ненасыщенная, как пустота.

Нельзя не привести здесь слова, точечного знания, о которых говорил в своем выступлении академик И. Э. Грабарь.

Он писал: «Прозорливые люди, которые в свое время вели поиски, выбрали места для храмов, нет возможности утверждать, что эти места были выбраны для храмов, при помощи которых они связывали встановленные из дерева здания, вставлявшиеся из-за берегового

круча, главы первых зданий, оправляемые с головой в воду, и со щечками в воду».

И здесь, в Кинках, нельзя не отметить, что архитектурный ансамбль на бы бы вырастает из срубов, из срубов, из срубов, плавный переход от пологих линий холмов и поклону и поклону, и нечего делать сооружений, а потом

Как дым костра
в бессветье, как плача,

Как песня, храм струится

Поверх алтарей гладко-
нических постичага пра-
никуму в нее умом и серд-
цем, человек постигает и
себя и отечественную исто-
рию.

Цена номера 20 коп.

Индекс 70820